

ЭМОНА 89

10

ISSN 0131-6656

Кто защитит наши права? Мнение ученого

Версия о гибели О. Э. Мандельштама

Рассказ американского писателя Лорена Айзли

Подозреваются... Журналистское расследование

Языком притчи. Живопись В. Овчинникова

Н
ОБРЕЧЕННЫЕ?

(стр. 6-8)

фото Евгения СТЕЦКО

Наш собеседник — Борис НАЗАРОВ, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой прав человека Всесоюзного юридического института, вице-президент комиссии ассоциации содействия ООН в СССР; до этого пять лет руководил одним из отделов Центра по правам человека в ООН.

ЭФФЕКТ

ПЛЮРАЛИЗМА

Ваша кафедра — единственная в СССР и в социалистических странах. Ее недавнее появление и удивляет, и радует. Радует, потому что — наконец-то!.. А удивляет, потому что — выходит... — ...выходит, с правами человека у нас не все в порядке.

— Хотя до недавнего времени проблем не было! Запад приписывал нам всякие нарушения, но мы от них отреклись, кипя негодованием.

— Да, мы утверждали, что СССР — самое демократическое государство в мире, только у нас все делается для счастья народа, только советский человек — истинный хозяин страны. Эти лозунги мы провозглашали и при сталинском «казарменном» социализме, и при брежневском «зрелом».

— А сейчас разве не провозглашаем?

— Ну, сейчас-то мы стараемся не только провозглашать, но и действовать.

Кстати, сегодня с нашей кафедрой

налаживают контакты юристы социалистических стран: планируют открытие аналогичных кафедр в высших учебных заведениях.

— А как вы считаете, почему кафедра прав человека не появилась на заре Советской власти, что было бы вполне логичным?

— В принципе это могло произойти. Но время было уж очень сложное — сломана одна система, и только еще начинали создавать новую. Сказывалось и то, что уровень образования масс был невысок. Крестьянские сходы, ревтрибуналы — люди были юридически совершенно неграмотные, действовали на основе своего революционного сознания. Но удивительное дело — ревтрибуналы, призванные главным образом карать, множество дел завершали оправдательным приговором. Сегодня в наших судах такое увидишь крайне редко — оправдательных приговоров почему-то боятся.

— При Сталине, пожалуй, вряд ли могла существовать ваша кафедра?

— Как ни парадоксально, думаю, могла бы! Ведь была же сталинская

Конституция, в ней — много прекрасных слов о правах советских граждан. Но только на бумаге были эти права. Так же, на мой взгляд, могла существовать и кафедра.

— При Брежневе в ней, похоже, просто не было необходимости. Мы ведь говорили: у нас все хорошо, и не лезьте в наши внутренние дела.

— Конечно, нам могли поверить и на слово, а для пущей убедительности посмотреть фильмы о счастливой жизни советских людей, послушать наши переполненные оптимизмом песни. Но как только кто-то на Западе хотел своими глазами увидеть народное счастье, торжество нашей демократии, мы «ощетинивались», прикрываясь заботой о суверенитете и тем самым способствуя распространению представлений о том, что СССР — закрытая, тоталитарная страна, где преследуется инакомыслие, грубо нарушаются права человека, свобода вероисповедания.

Атака на СССР по вопросам прав человека усилилась особенно при Картере. Это застало нас врасплох. В результате был нанесен чувствительный

удар по нашему международному престижу и привлекательности социализма вообще. Ведь проблемы прав человека у нас никогда не изучались как следует. Мы считали, что все прекрасно идет само собой, как, впрочем, и в экономике, и в общественных науках...

— А как только в начале семидесятых годов у нас появились собственные граждане, критикующие положение в стране и, надо подчеркнуть, имевшие конструктивные предложения, их тут же стали именовать диссидентами и ругать на страницах печати. А сегодня выясняется, что они вовсе не желали зла своей родине, напротив, хотели изменить что-то к лучшему. Да и слово «диссидент» в переводе с латинского означает всего лишь «несогласный». В нашем же переводе оно звучало практически как «враг».

— Вообще считаю этот термин неудачным в том приложении, как его использовали. Несогласный — значит, инакомыслящий. Но в демократическом обществе инакомыслие вполне допустимо! Порой представителей обще-

ственных самостоятельных движений или объединений, критикуют без разбора, иногда явно незаслуженно называя их диссидентами — с оттенком враждебности.

— Ну, а разве само понятие плюрализма не предполагает инакомыслия? Парадоксальная ситуация: с одной стороны, провозглашаем гласность, с другой — пытаемся втиснуть ее в какие-то рамки...

— Плюрализм мнений — это то, без чего вообще невозможно никакое демократическое общество. Плюрализм — и есть возможность для инакомыслия. Никто не вправе претендовать на истину в последней инстанции. Плюрализм предполагает обсуждение, споры и на их основе — выработку решения, а не наоборот, когда готовое решение, выработанное где-то наверху, выдается уже не для обсуждения массам, а фактически для ознакомления. Как это было, например, с Указом, регламентирующим митинги и демонстрации. Как понять его создателей? Не были готовы к массовым выступлениям народа, возникли опасения: как бы чего... Потерпелись. В «Советской культуре» шесть докторов юридических наук, в том числе и я, в октябре прошлого года выступили с призывом к депутатам вынести этот Указ на всенародное обсуждение. Тем не менее, несмотря на многочисленные протесты, Указ стал законом.

Надеюсь, он будет доработан. Недопустимо принимать правовые акты второпях, нужна крайняя осмотрительность. В декабре прошлого года было принято решение создать при Верховном Совете комитет по надзору за исполнением законов. Хочется верить, что будут пересмотрены неудачные законы.

Помню, в «Комсомолке» была информация о том, как девушка-депутат голосует против этого Указа, а рядом сидящий молодой уже депутат своей рукой опускает ее руку. Прямо-таки физическое воздействие!..

— Однако у нее была и вторая рука...

— Конечно! Но, видимо, страх победил. А в Белоруссии в соответствии с этим Указом, как вы помните, в прошлом году в День Поминования людей разгоняли дубинками...

К разгону демонстрантов на Западе мы привыкли. Но ведь теперь и у нас кое-кто уже говорит: мол, у них разгоняют, и нет ничего страшного в том, что и у нас будут. Но давайте же брать у Запада только хорошее!..

Если инакомыслие не выходит за рамки Конституции, не направлено на насильственное свержение государственного строя, не пропагандирует насилие, это нормально. Если же выходит, люди, несущие эти взгляды, становятся объектом регулирования уголовного права.

Увы, мы медленно учимся терпимости к мнениям, не схожим с собственными. И тут сказывается инерция: боимся, что социализму что-то повредит.

— То есть с мыслью нужно бороться исключительно мыслью, а не с помощью государственного аппарата, что делалось, например, с диссидентами? У человека и государства слишком разные «весовые категории». У государства — административные меры, милиция...

— Но тем-то и отличается правовое государство от неправового, что человек может подать в суд хоть на самого президента! И ежели окажется прав, на его стороне будут и административные меры, и милиция... То есть побеждает не власть, а истина.

— Философский словарь 1982 года трактовал понятие плюрализма как нечто враждебное социализму. Сейчас в ходу словосочетание «социалистический плюрализм». Оправдана ли, на ваш взгляд, эта приставка — социалистический? Чем наш

плюрализм отличается от буржуазного?

— Думаю, ничем. Что касается приставки, это — скорее всего тоже следствие инерции. Должны же мы хоть чем-то отличаться!..

— А чем же тогда социалистическая демократия отличается от капиталистической?

— Демократия — прежде всего значит полное народовластие. Мне кажется, что скорее всего это возможно именно при социализме.

— Не очень убедительно...

— Мы пережили десятилетия отчуждения народа от власти. Но не Советские вообще показали свою полную несостоятельность, а то, что у нас выдавали за Советы. Сейчас мы снова заговорили: власть — Советам, землю — крестьянам, заводы — рабочим. Именно при таком раскладе у нас больше, чем у капитализма, возможностей для полного народовластия, фактического, а не демагогического. Не случайно мы говорим сейчас о необходимости именно революционных преобразований, возвращаемся к идеям Октября.

История прав человека — это вообще история революций. После американской революции появилась Декларация независимости 1776 года. Декларацию прав человека и гражданина приняли во Франции в 1789 году. Декларация — «говорящее слово», в принципе — это мечта народа о том, как должно быть. До сих пор ни в одном самом демократическом государстве не удалось избавиться от систематических грубых нарушений прав человека. Более того, люди стали забывать о своей мечте. Когда, например, журналист в США останавливал людей на улице и зачитывал им выдержки из американской конституции, многие считали, что это — «красная пропаганда»...

— Сегодня, мы знаем это по сообщениям печати, во всем мире в разной степени нарушаются права человека. В чем, на ваш взгляд, они нарушаются у нас?

— Ну, к примеру, возьмите паспортную систему. Попробуйте прописаться там, где хотите... Если нет в паспорте штампа о прописке, не возьмут на работу. Полвека уже прошло, как появился советский паспорт (с помощью паспортной системы ограничивали передвижение людей по стране), с тех пор ничего не меняется!

У нас и журналисты порой не могут получить всю необходимую для работы информацию, а ведь закрытой должна быть лишь та информация, что представляет собой военную или государственную тайну.

Пожалуй, одна из самых болезненных для любого общества проблем — адаптация человека, отбывшего наказание. Мы делаем из него изгой, лишаем прописки, работы, которой он занимался, его могут взять лишь грузчиком, сторожем. Значит, мы изначально предполагаем, что он не может исправиться, стать равным нам, то есть полноправным членом общества. Лишая прав, мы тем самым толкаем его на новые преступления. В его документах клеймо на всю жизнь — запись о судимости...

Я видел один из проектов правил выезда за границу. Если он будет принят, мы сможем выезжать в любую страну без объяснений мотивов. Останутся лишь два препятствия — знание государственных тайн и ответственность перед семьей, если она живет в Союзе.

— То, о чем вы говорите, в разной степени волнует многих граждан нашей страны, но, наверно, всех одинаково волнует вопрос: как создать гарантии демократии, гарантии соблюдения прав человека?

— Наше законодательство нужно привести в соответствие с международным, в частности, с Итоговим Венским Документом. Это прежде всего.

Гарантии должны быть заложены в самих законодательных актах. Без этого вообще нельзя говорить о соблюдении прав человека. В наших законодательных актах до последнего времени не хватало именно этих гарантий, то есть человеку вроде бы предоставляются большие права, но в случае ущемления прав его некому защищать.

К нам, юристам, постоянно обращаются с просьбами высказать свое мнение по тем или иным проектам законов. Мы работаем, передаем свои предложения, а потом, когда выходит новый закон, с сожалением обнаруживаем, что работа наша идет в корзину. Почему так происходит, мне неведомо.

— В таком случае, кто же у нас в стране создает проекты законов? Конкретно?

— Затрудняюсь ответить на этот вопрос четко. Однако думаю, если бы среди депутатов Верховного Совета было побольше юристов, специалистов по правам человека, мы бы все от этого только выиграли. А разрыв между декларируемыми и реальными правами человека существует во всех странах. Нужны объединенные усилия юристов всего мира для разработки концепции механизма гарантий прав человека.

Важный элемент гарантий — право депутата на запрос. Возьмите, к примеру, практику британского парламента. На запрос депутата отвечает премьер-министр. «Таймс» дает стенограммы дискуссий. У нас право на запрос не «работало». Депутаты, как автоматы, голосовали за то, что им предлагали сверху, а запросы депутатов должны, на мой взгляд, в обязательном порядке включаться в повестку дня заседаний Верховного Совета. Три-четыре дня — ответы на запросы депутатов. Тут уже потребуются конкретные, аргументированные ответы, принятие мер. Правительству свои позиции будет объяснять, а депутаты решать: так делать или иначе. Эти дебаты нужно печатать в прессе. Люди будут следить за ходом дискуссий. Избиратели увидят, как депутаты борются за их интересы, какова реакция правительства. Все это повысит ответственность не только депутатов, но и правительства.

Конечно, нельзя не сказать о судах, которые должны превратиться в универсальное средство защиты прав человека.

— Раз вы заговорили о судах, вопрос о политзаключенных. Есть ли они у нас?

— И граждане СССР, и иностранные граждане представляли нам списки так называемых политзаключенных. Мы изучили их. По нашим проверкам, подавляющее большинство этих людей было осуждено за уголовные преступления.

С 1986 года статья за антисоветскую агитацию не применяется, с конца 1988-го осужденные по этой статье освобождены. Не вышли на свободу лишь те, кто проходил по совокупности статей.

— Что вы имеете в виду?

— Ну, например, грабитель или убийца вдруг стал кричать: «Долой Советскую власть!» Он, что, превращается в политзаключенного? Политическими лозунгами очень удобно прикрывать свои уголовные дела. По данным КГБ, в изоляторе следственного отдела уже примерно два года не содержится лица, задержанные по политическим мотивам.

— А как обстоят дела за рубежом?

— Американский наблюдатель в ООН подтвердил, что в США двести политзаключенных.

С проблемами политзаключенных и диссидентов дело порой доходит до курьезов. В конце декабря прошлого года в Москве проходила Международ-

ная конференция по истории прав человека и современности. Приехали крупнейшие специалисты из США, Франции, Англии, других стран. И вот когда академик Кудрявцев закрывал заседание и объявлял перерыв, неожиданно в зале появилась неизвестная женщина и попросила слова. После перерыва ей дали возможность высказаться. Она учительница из Волгограда, ее преследовали за критику, оскорбляли, ее и мужа представляли психически ненормальными. В итоге она попросила у международной конференции защиты. И вдруг начала говорить о том, что верит в победу перестройки, верит в партию, мол, второй партии нам не надо!.. Потом, в кулуарах, когда мы обсуждали происшедшее, западные коллеги усомнились, что эта женщина — не подставное лицо и вся ситуация не была спланирована заранее...

Еще пример. В феврале, по инициативе американцев, был проведен радиомитинг «Нью-Йорк — Москва» по проблемам прав человека. С их стороны участвовали профессор университета и политический деятель. Они представляли «Голос Америки». С нашей стороны был приглашен я, отвечал на вопросы, очень доброжелательные, корректные. Под занавес я попросил ответить, какую проблему в области прав человека они считают главной в своей стране. «Очень хороший вопрос, — сказали мне, — но... к сожалению, время наше уже истекло...»

— Наш разговор мы начали с вашей кафедры. Давайте этим же и закончим. Поэтому последний вопрос: с какими проблемами вы сталкиваетесь в своей работе?

— Главная: нет специалистов по правам человека. В международных конференциях по правам человека мы всегда были самыми активными участниками, а вот в собственной стране никто этим никогда не занимался.

Считаю, должен быть изменен процесс подготовки будущих юристов. Не говорю уже о том, что юристов у нас в несколько раз меньше, чем на Западе. Там не представляют себе, как и шаг-то ступить без адвоката!..

Только-только мы издали первую в СССР и соцстранах программу курса обучения по правам человека. Не хватает преподавателей, нет выбора. Не можем найти специалистов.

К нам на кафедру приходят разные люди, просят защитить их от беззакония.

Очень много писем. Люди просят о помощи. В тех случаях, когда мы видим основания для разбора, связываемся с той инстанцией, куда обращались авторы писем в последний раз, просим вернуться к этому вопросу, берем под неофициальный контроль. Есть уже и первые телеграммы с благодарностями: наше вмешательство помогло.

Но мы — капля в море! Как можно скорее нужно создать Комитеты по правам человека, кафедры, подобные нашей, в университетах, в больших городах открывать центры по правам человека, где все нуждающиеся смогут получить помощь. Это вопросы государственной важности!

Вы спрашиваете, какие трудности? Не хватает времени: встречи с людьми, письма, разработка методик, лекции, очень много приходится участвовать в различных конференциях. Готовимся к поездке в США: совместно с американскими специалистами по правам человека будем писать книгу.

Кроме подготовки будущих правове-дов, одной из важнейших задач мы считаем пропаганду знаний по правам человека. Нужно разъяснять людям их возможности. А мечтаю сейчас об одном: скорее бы издать учебник!

СМЕНА '89

МАСТЕРА

МОТОЛЬСКИЙ КАРАВАЙ

Геннадий ОСТАПЕНКО
Фото Александра СЕНИНА

В кухне на табуретках две деревянные квашни. Одна — с пшеничным замесом, другая — с ржаным. Тесто уже подошло и готово к разделке. Сначала пекут ржаной; состав строгий — мука, соль, закваска. Можно немного солода для особого вкуса добавить. Старики говорят: «Духовитость ржаного — в закваске таится, в опаре силу набирает, в тесте — созревает».

...А самое первое дело, конечно, мука, мельница.

В большой белорусской деревне Мотоль все «выдающиеся» постройки — на площади. Дворец культуры, в котором место нашлось и правлению колхоза, и сельскому Совету. Слева, впритык к нему, двухэтажный универсам; через дорогу — кинотеатр «Ясельда» (дореволюционные так называли, по имени своей красавицы реки). Школа искусства и детский сад — на противоположной стороне. Там же деревянный дом с резными наличниками — будущий музей быта и народного творчества, каменная церковь... И — ветряная мельница.

Раньше, до войны, их было десять в деревне, даже одна паровая. Да не уберегли — какие сгорели, какие порушились...

Спасибо местному умельцу-самоучке Мацукевичу. Уважил мастеровой человек земляков, поставил деревянную ветрянку — любо-дорого смотреть. Вот и я загляделся.

— Что, добр человек, любишь-ся? — раздался за спиной приветливый голос.

— Складно сработано...

Похвала понравилась.

— Пусть они что угодно тебе говорят, — старик махнул рукой куда-то в сторону. — А хлеб все равно начало берет с муки, остальное — прибавки. Можешь мне верить: я сорок лет мельником работал.

На вид — сухонький, небольшого роста, лет под семьдесят, но держался прямо, задористо так голову поднимал. А в глазах его — голубизна, и — ни тени зазнайства.

— Муку-то без мельницы хоть раньше, хоть сейчас — не получишь. Первейшая вещь... А ну, пойдем покажу свою «красавицу».

Мельница была крепкая и в то же время изящная — светом наполненная, воздухом.

— Со всех концов страны просят прислать чертежи, а понять не могут, что каждая мельница особый имеет расчет, — поясняет мастер. — Оттого собственная статья у каждой. Одну с другой никогда не спутаешь, ручаюсь.

— Не тут бы ей стоять, — покачал он головой. — Крыльям простор нужен...

Но скорее для приличия эта критика, так как место выбрано видное. И мелют зерно не тоннами здесь, а пудами. По праздникам — на «зажинку» — начало жатвы, и «дожинку» — окончание. Двери музея хлеба, который организуют на мельнице, будут открыты для всех и в любой день.

Первый ветряк Мацукевич еще юнцом строил, вместе с отцом. Во дворе, всего в полтора метра высотой. Обидно было: у богатея мельника есть, а у них — нет. Работала та мельница-невеличка исправно: и для себя успевали муки намолотить, и для соседей.

«Волшебная, — шутили деревенские, — за калиткой не разглядеть, а гору мешков с мукой, что намолотила, и с краю деревни видно».

До войны это было, в тридцать восьмом. А через год Западная Белоруссия стала советской.

Отдали Мацукевичу огромную мельницу, чтобы хлеба было вдвоев у крестьян. Только привел хозяйство в порядок — война...

Особой мельница стала. За то, что по ночам зерно молола для партизанских отрядов, «партизанкой» прозвали. Чуть не каждые сутки отправлялись в темноте телеги с мешками на остров Перуся, в отряд...

— Трудно мельницу построить? — окидывая взглядом высоченное сооружение, спросил я.

— Конечно, не то, что забор. У мельниц свои ранги имеются. Эта вот, шатровая, — высшего. Высота какая! Одни крылья — четырнадцать метров. Называется она еще «крупчаткой», за то, что на ней любой помол сработать можно, не как на «раструске», где только рожь мелют.

И он повел меня показывать мельницу изнутри.

— Механизм хоть и простой, а аккуратность обязательно нужна, — указал хозяин на огромное ветряное колесо. — Главная деталь — стоячий вал. Он идет до самого низа. На нем и крепятся жернова. Одна пара — один постав, две — два постава. Больше жерновов — выше качество муки. Но и жернова разные бывают. Московские, мелкозернистые — самые лучшие. А еще дело в самом мукомоле, на «крупчатках» его мастером величают. Только он умеет подобрать один жернов к другому, чтобы получилась настоящая пара.

За разговорами мы оказались в нижнем помещении.

— После помола муку надо сразу охладить, чтобы не образовалось комков, для этого ее рассыпают и переворачивают деревянной лопатой. Вот тогда она готова, можно хлеба выпекать...

В Мотоле самый вкусный хлеб, домашний, Ольга Григорьевна Романович выпекает.

Вспомнились слова, которые слышал здесь, в Белоруссии: «Смело входи в двери, где пахнет хлебом: там живут добрые хозяева».

Нам были рады. Стали угощать яблоками. Десятник Татьяна пригласила присесть, сказав, что мама «колдует» у печи.

— Можно полюбоваться? — спросил я.

— Пожалуйста, если интересно... К нам часто соседи ходят, а ребятня с утра у окошек. Горяченького дожидается. Я им колобки делаю, настоящие.

Ольга Григорьевна в нарядном фартуке, блузке с короткими рукава-

ми, волосы прибраны косынкой: «А как же, кали трэба робить смачный хлеб?» — смеется она.

Мне понятен смысл сказанного: печь хлеба — особая работа — праздничная...

Но вот горнило в печи чисто выметено еловыми ветками. Готовы округлые порции теста. Хозяйка открывает заслонку...

Теперь все делается быстро-быстро, чтобы не остудить печь, чтобы температура не упала ниже двухсот градусов.

Десять взмахов деревянной лопатой, и десять хлебов — на раскаленном поду. Особенность качества и вкуса мотольского каравайя еще и в том, что под каждую ковригу подкладывают дубовые листья. Их соединяют, прикалывая черенками друг к другу, получается зеленая «салфетка». На ней и выпекается белорусский хлеб, впитывая в себя аромат дубовых листьев.

— Дубовые листья — это ваша «тайна»?

— Тайна — это когда утайка от людей, а я всех учу — показываю. Дело не только в дубовом листе. К примесу, готовность опары, замес теста не менее важны. Тесто бродить должно несколько часов в теплом месте. Тогда объем его увеличивается в три раза. Обминать ржаной не надо. От этого аромат ослабнет и мякиш при выпечке жестче будет; но вот жиру свиного добавляю, чтобы долго не черствел...

Хозяйка приоткрыла заслонку печи, приблизила лицо — пора!

Тут никаких расспросов: печь и пекарь заняты серьезным делом.

Два часа длилось сотворение хлеба за закрытой заслонкой. Первый раз Ольга Григорьевна чуть сдвинула ее — глянуть, как корочка. Второй раз водичей из пригоршни на стенку побрызгала, пару поддала, чтобы вкус не оплошал и не крошился мякиш...

Заслонка отставлена в сторону. Созрели, родились хлебы. Их раскладывают на яркие рушники на большом столе в горнице, у окна, что выходит на улицу. Пусть народ любит-ся, пусть заходят соседи, прохожие: свеженького отведают, хозяев уважить, честь хлебу отдать. Так заведено в Мотоле.

— За стол, — приглашает хозяйка и выставляет теплый хлеб, мед и самовар.

— Уважьте, отведайте, — потчует, нарезая ковригу аккуратными ломтями, Ольга Григорьевна...

Мотольский каравай потому так и славится на всю Белорусь, что сначала гостей угощает-радует, а потом уж своих, домашних.

МЕТАСТАЗ

Валерий МАЙОРОВ
Фото Евгения СТЕЦКО

В конце января нынешнего года республиканская детская больница в Элисте находилась в состоянии шока: здесь парентеральным путем заразились вирусом СПИДа большая группа детей (преимущественно годовалого возраста) и некоторые из их матерей. (Конкретное число не указываю по горестно-простой

причине — даже за короткий срок подготовки этого материала оно увеличилось дважды.)

Парентеральным — так выражаются специалисты. На общедоступном языке это означает: заражение произошло через нестерилизованные, проще говоря, непрокипяченные шприцы.

Столица Калмыкии — не относящаяся к числу городов портовых, расположенных в сейсмоопасной зоне или близости от АЭС, — вошла в географический реестр крупнейших отечественных катастроф и трагедий. Как и положено при ЧП, в Элисту прибыла высокая комиссия во главе с замминистра здравоохранения РСФСР Элеонорой Алексеевной Ноговицыной. Из Москвы, других городов приехали видные ученые, специалисты. Приступила к работе и следственная группа, руководимая старшим следователем Прокуратуры РСФСР Виктором Ивановичем Пантелеем.

Из газет. Состоялось заседание Чрезвычайной противозидемической комиссии РСФСР. На повестке

дня — ситуация в Калмыкии... Среди причин случившегося специалисты-эпидемиологи называют неорганизованность, отсутствие элементарного порядка, преступную халатность медицинского персонала.

Новый шестизэтажный корпус, рассчитанный на 300 мест, больница получила в 1983 году. Сколько он строился, никто точно и не помнит. Некоторые говорят, что лет десять — пятнадцать. Слышал и такую меру летосчисления — «при трех союзных министрах». Но поражает иное: уже сегодня здание это необходимо капитально ремонтировать. Причем сроки до предела сжаты: два месяца!

Управляющий трестом «Калмгражданстрой» Анатолий Ильич Ченкуров сокрушался:

— Немыслимо в такой спешке делать работу с высоким качеством... Объект внеплановый. Финансирование еще не открыто. Дефектных ведомостей нет...

Я спросил:

— Как же так, всего шесть лет эксплуатации — и ремонт?

— Да так строили! — ответил строительный начальник.

Прорывает отопительную систему из-за плохой изоляции. Большей частью зимой. Больница частенько остается без воды — то горячей, то холодной. Починить то и дело выходящие из строя лифты — проблема. Заменить унитазы, смывные бачки — проблема. Доставить белье в прачечную — тоже проблема.

...Яркий плакат на больничной стене — смеется веселая и здоровая ребятня. Аршинные буквы: «Пусть растут на солнечной планете наше счастье, наша радость — дети!» На дверях таблички — «В этом отделении работает отличник здравоохранения СССР (такой-то, такая-то)», «Здесь работает заслуженный врач Калмыцкой АССР...» Читаю на стенде: «активно проводить санпросветработу», «активно бороться за овладение смежными профессиями (?!)», «всемерно содействовать», «активно», «регулярно». Еще один фундаментальный стенд: «Договор по наставничеству». Расписанные краской на загнутой фанере графы — «наставник», «наставляемый». Фамилии.

Ы

Цифры в клеточках. Все, как положено. Как у других.

Не будь ЧП с его переполохом, с ремонтом, срочно начавшимся по решению обкома партии, вся эта «наглядная агитация» скорее всего не бросилась бы в глаза. Привыкли.

Каждый, кому в последние годы пришлось хоть однажды лежать в больнице (в обычной, для простых смертных), иметь дело с поликлиниками, судит о здравоохранении, конечно же, не по плакатам, на своей, как говорится, шкуре смог почувствовать накопившееся неблагополучие родной медицины — и по части ее материальных возможностей, и в снижении нравственной планки гуманности, милосердия, кадрового корпуса защитников нашего здоровья.

Ныне неблагополучие материальное сказалось и в отсутствии одноразовых шприцев. (На которые, кстати, делается — хоть и с опозданием — одна из главных ставок в провозглашенной Минздравом Союза программе борьбы со СПИДом.)

Но неужели даже при означенном отсутствии нельзя было избежать элитинской катастрофы?

Скорее всего в невозможность случившегося и веровали свято, по инерции принимая за действительность весь тот словесный антураж, что долгие годы вился вокруг нашего здравоохранения. Но «пыль в глаза» рассеивается, и мы видим: в доблестных рядах стражей здоровья возвращены уже медсестрички, которых впору посылать в какую-нибудь крайне недружественную, агрессивную по отношению к нам страну — пусть здоровье классового противника расстраивают.

(Вернувшись из Элисты, я позвонил юной родственнице, обучающейся в одном из московских медучилищ. Зная, что она, будущая медсестра, прошлым летом проходила практику в столичной клинике, поинтересовался насчет приобретенного опыта, в первую очередь по части инъекций. Смысл услышанного таков: делала она уколы, как все, начиная со старшей медсестры, наставницы практиканток. А именно: несколько инъекций одним шприцем. Менялись только иголки. Более того, случалось, шприцы вообще не кипятились. Промывались под краном и заворачивались в вошеную бумагу, — так, как будто прошли стерилизацию.)

В Элисте бригаде следователей (с привлечением медиков-специалистов) придется немало месяцев заниматься трудоемкой работой: анализиро-

вать сотни историй болезней, табелей рабочего времени, накопительных ведомостей, прочую больничную документацию (немалая часть ее оказалась почему-то пропавшей?) — для того, чтобы выяснить, правильно ли велось в каждом случае лечение, соблюдались ли санитарно-гигиенические нормы. На стыке юридической и медицинской истин будет установлена степень вины того или иного конкретного работника.

В свою очередь, не дожидаясь окончания следствия и не подменяя его, думаю, не выйду за рамки своей компетенции, предположив, что об истинном положении с инъекциями, если и не знают, то предполагают многие из руководящих медицинских работников и в Элисте, и в Москве, и в сотнях других городов. Надо полагать, принимают и какие-то меры. Правда, не подлежащие огласке, «для служебного пользования»; чтоб не выносился сор из избы, будь он «больничный» или «министерский».

В пользу этого предположения говорят наблюдения и соображения, которыми делился со мной некоторые специалисты. Косвенно подтверждают их и задокументированные факты, позволяющие мне указать источник информации.

Константин Борисович Яшкулов, заместитель главного государственного санитарного врача Калмыцкой АССР, рассказывал, что работники республиканской санэпидстанции неоднократно выявляли и в детской, и в других больницах подготовленные к употреблению нестерилизованные шприцы. О крайне неблагополучном санитарно-эпидемиологическом состоянии в детской больнице 16 (!) раз сообщала стан-

ция в Минздрав автономной республики, советские и хозяйственные органы; 13 раз (вот уж действительно — «чертова дюжина»!) накладывался штраф. Пришлось прибегнуть даже к крайней мере: летом прошлого года по требованию санэпидстанции было временно закрыто грудничковое отделение.

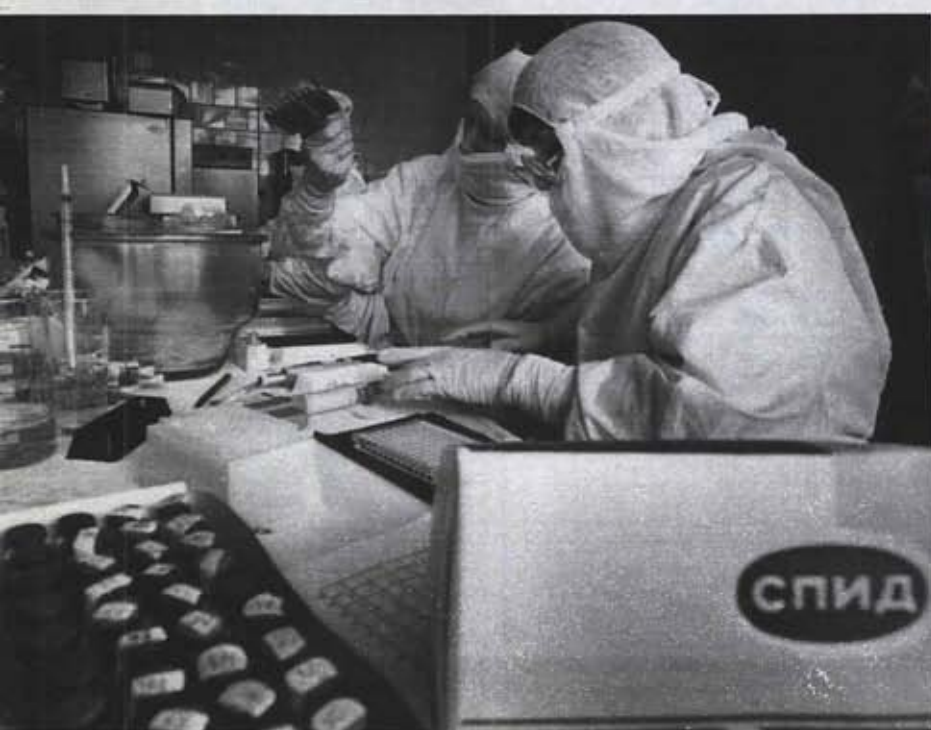
В больнице то и дело происходили вспышки гепатита (одна из его форм заносится шприцем), сальмонеллеза (заражение через пеленки). Наконец, такая вот горестная статистика: в прошлом году в больнице умерло 123 ребенка.

(«Пусть живут на солнечной планете...», «активно бороться», «овладевать», «содействовать» заклиняют стенды в больничных коридорах.)

Знали ли в Минздраве республики о положении в одном из крупнейших лечебных заведений Калмыкии? Безусловно.

Знали о хозяйственных неурядицах и острой нехватке среднего медицинского персонала. Знали о заражении гепатитом и сальмонеллезом. И о крысах в подвальном помещении. И о тараканах на всех этажах...

Из приказа министра здравоохранения КАСР (от 26 февраля 1988 г.): «Во исполнение приказа министра здравоохранения СССР от 19.04.84 «О мерах по устранению серьезных недостатков в работе по охране здоровья детей раннего возраста и снижения ДС» увеличить в республиканской детской больнице количество койко-мест с 345 до 395». (Для справки: «уплотнение» с 300 до 345 мест по приказу Минздрава было произведено годом раньше. ДС — аббревиатура, для

удобства общепринятая в медицинском делопроизводстве. Расшифровывается как «детская смертность».)

...Не ставлю под сомнение обоснованность снятия с должностей медназначенных в Элисте. И Валентина Джаллова Манжуева, проработавшая главврачом более пятнадцати лет, и Лев Бадминович Талкин (снятый месяцем позже), бывший министром более года (а до этого замминистра), и их первые заместители, конечно же, виноваты в случившемся. Но не могу избавиться от мысли: будь на их месте любые другие, все равно случилось бы в точности так, как и случилось.

Из газет. В нашей стране впервые в мире приняты законодательные акты, направленные на охрану здоровья населения, предотвращения заражения вирусом СПИДа... В январе в Херсоне прошло первое в стране судебное разбирательство. На четыре года осуждена молодая женщина за нарушение Указа Президента Верховного Совета СССР «О мерах профилактики против заражения вирусом СПИДа».

Вспоминаю историю, что рассказала мне Мария Сектеевна Чурюмова. Она исполняет обязанности заведующей той самой лабораторией, где 4 ноября прошлого года был обнаружен первый вирусноситель СПИДа. А затем и все последующие.

...Пятнадцать лет назад Чурюмова, окончив Ленинградский санитарно-гигиенический институт, вернулась в Калмыкию. Работала врачом-эпидемиологом в Приозерном районе, затем в Элисте — в городской, республиканской санэпидстанции. В начале 1986 года, когда в автономной республике сменилось высшее руководство и повелело перестроить переменила, она, видя, что в здравоохранительной сфере на перемены эти нет даже и намека, посоветовалась с товарищами по работе и решила обратиться к первому секретарю обкома партии, высказать все, что наболело.

Записалась на прием. В назначенный день пришла. Ее приветливо выслушал дежурный инструктор, поблагодарил и попросил изложить все письменно.

Так Чурюмова и сделала. Письмо отнесла тому же инструктору (март, 86 г.). Ответа долго не было. Она и ждать-то его перестала, когда неожиданно получила приглашение прийти в обком (август, 86 г.). Ей сказали, что к письму ее партийное руководство республики отнеслось самым серьезным образом. В том смысле, что намечен комплекс мер, которые уже начали превращаться в жизнь. В заключение беседы вновь теплая признательность автору письма и пожелание успехов в работе и личной жизни.

Вскоре Чурюмова получила и официальный ответ из министерства. По смыслу он повторял партийные заверения, но уже с деловой конкретизацией некоторых позиций. Указывалось, например, что в ближайшее время будет сдан в эксплуатацию плавательный бассейн в новой детской поликлинике, не работавший со дня ее открытия. (К слову, и в феврале текущего года бассейн этот не стал действующим.)

Но не только официальным ответом отреагировал Минздрав Калмыкии. Тогдашний министр Сорокин, вызвав главного врача республиканской больницы («взрослой», в которой в то время работала Чурюмова) Владимира Ларионовича Джимбева, высказал крайнее неудовлетворение по поводу активности одной из его сотрудниц. Посоветовал внимательно присмотреться, не носит ли она смуту в дружный, спаянный коллектив...

К чести главврача скажу: не подчинился он воле министра, увел из-под удара свою сотрудницу...

И еще одна история. Не могу мимо нее пройти потому хотя бы, что привя-

заны к ней представители «группы риска», с которой мы, опираясь на международный опыт, изначально связывали возможность распространения СПИДа в нашей стране.

С 1985 года существует в Элисте наркологический диспансер. Располагается он в двух жилых строениях барачного типа: несколько лечебных кабинетов и палат — в одном здании, остальные — в соседнем. Из одного барака, получив квартиры, выехали уже почти все жильцы. В другом — общежитие молодых артистов местного драмтеатра.

Сочувствую им... Но разговор мой о диспансере, возглавляемом Эдуардом Вениаминовичем Варламовым, известным в городе врачом-психиатром. Уже который год бьется он за подпадающее здание, где была бы вода, канализация, нормальные бытовые условия для тех, кто долгие месяцы лечится стационарно. Куда только не обращался — в здравоохранительные, советские, партийные органы республики! В Совмин, наконец!

И везде — изыщное отфутболивание... Лишь после вмешательства министра здравоохранения СССР Е. Чазова (он напрямую обратился к первому секретарю Калмыцкого обкома КПСС В. Захарову) было принято решение полностью освободить бараки и капитально отремонтировать их. А в не столь отдаленном будущем построить специальный корпус для диспансера...

И тут я, возможно, наивно, спрашиваю: почему Чурюмовой понадобилось обращаться к первому секретарю обкома? (До которого, предполагаю, ее обращение так и не дошло, а походило по этажам более низким.) Неужто министр здравоохранения Калмыкии не знал и без Чурюмовой о положении дел в руководимой им отрасли? И отчего же министр вкупе со всей министерской коллегией не мог решить вопрос о помещении для диспансера?

На мой взгляд, наше здравоохранение, более чем какая-либо иная сфера жизни общества, поражено метастазами командно-бюрократической системы. Функционируя в наиболее гуманной, казалось бы, изначально демократической плоскости, система эта обрела наиболее изощренные, утонченные, а потому и стойкие формы.

И никакого парадокса нет в том, что в рамках этой же системы «потемкинских деревень» выростали выдающиеся ученые, ярчайшие личности, рождались великие научные открытия, складывались школы, и — шло третирование Илизарова, отторжение и преследование Касьяна и других народных врачей-врачей, творилось беззаконие вокруг «психичек». С одной стороны, создавались (и не на пустом месте) могучие научно-исследовательские и диагностические центры с новейшими методиками, препаратами, аппаратурой, а с другой — снижалась средняя продолжительность жизни в стране, росла детская смертность.

Парадокс в другом. Командно-бюрократическая система в здравоохранении опиралась всегда на людей, в подавляющем большинстве неординарных. Худо-бедно, но во все времена и на всех уровнях здравоохранением руководили профессионалы. Дилетанты — как случалось у нас в области культуры, народного образования, агротехники, других социальных и производственных сферах — здесь не проходили.

Но тем прочнее, монолитнее оказываясь диктат авторитетов, званий, должностей. Тем болезненнее сейчас поддается здравоохранение страны децентрализации, труднее впитывает в себя идеи истинного демократизма, раскрепощенной инициативы.

Мне могут возразить: а Федоров с его офтальмологическими центрами? А клиника в Кургане?.. Все так. Но для этого потребовались гиганты духа, и чего это им стоило! Верно, конечно, что за плечами Федорова, Илизарова, нашего нынешнего министра Чазова вырастут им подобные — врачи, организа-

торы медицины новой формации.

Ну, а пока-то что? Пока бесчисленное количество поликлиник, клиник, амбулаторий (исключая спецзаведения и всю «военную медицину») действует в тяжелейших условиях материальной стесненности и крайней зависимости от вышестоящего руководства.

На любопытный документ (от 14.06.88 г.) натолкнулся я в элистинской детской больнице: больница просит свой Минздрав сделать пересчет сметы на «строительство дворовой уборной на 4 очка».

...Какие уж тут одноразовые шприцы! Их и в глаза здесь не видели до нынешнего страшного января.

Недавно сборок «Известий» в Лиссабоне рассказывал, как один португальский предприниматель предложил нам заключить контракт на строительство (в течение года) завода, выпускающего одноразовые шприцы (40 миллионов в год при тридцати рабочих, занятых на производстве). Предложением заинтересовались минздравы прибалтийских республик. Ну, увы — у них нет валютных средств (нужно было полтора миллиона рублей). Союзное же министерство, посылавшее в Португалию своего высокопоставленного члена коллегии, в итоге отделилось молчанием...

Из газет. На 1 февраля в Калмыкию поставлено 200 тысяч одноразовых шприцев, в дальнейшем их количество будет исчисляться миллионами.

Для справки: суточная потребность одной лишь детской больницы — 6400 шприцев.

Что к этому добавить? Что на строительство канала Волга — Чограй (к настоящему времени законсервированного, но не отмененного, как требует того широкая общественность) Минводхозом СССР израсходовано в Калмыкии 57 миллионов рублей, а у Минздрава нет средств для строительства наркологического диспансера, что с каждым годом осложняется социальной ситуацией в автономной республике, растет число наркоманов, что детская смертность здесь в два раза выше среднесоюзной...

Что, наконец, здешние беды отражают беды всей страны, тяжко поднимающей из брежневского «развитого социализма», а безответственность медсестер — по большому счету не первопричина, а следствие. Тяжкое, преступное, но всего лишь следствие бездуховности системы, приведшей нас и к элистинской трагедии, и ко многим другим, саднящим нашу память.

...В этих заметках я обошел вниманием некоторые сугубо профессиональные, специфические аспекты, связанные с экстренными мерами, предпринятыми в Калмыкии да и во всей стране по борьбе со СПИДом. Об этом много писали газеты, сейчас повторяться не стоит.

В Элисте меня интересовала не столько сюжетная канва происшедшего, сколько социальные возможности изменить саму обстановку, в которой разыгралась трагедия. Нам по силам ее изменить. Это показали действия тех, кто тогда работал не покладая рук. По силам еще и потому, что у нас есть новый Верховный Совет. И от нас всех будут зависеть законы, им принимаемые.

Узнал недавно о том, что в белорусском селе Докшицы местный Совет вкупе с колхозом построил прекрасную больницу. Все делали без согласования с «верхами». Министр Чазов, отложив срочные дела, выкроил время, чтоб съездить в Докшицы. Хвалил сельчан за инициативу, самостоятельность, новизну подхода.

— Так можем ведь, можем! — хочется крикнуть, глядя в глаза министров и врачей, профессоров и медсестер, партийных секретарей и инструкторов.

Вот только комок стоит в горле — оттого, что не знаю, как глядеть в глаза детей, оказавшихся зараженными смертельным вирусом...

Коллектив родильного дома ГKB № 70 и сотрудники кафедры акушерства и гинекологии лечебного факультета ММСИ имени Н. А. Семашко, работающие в родильном доме, глубоко возмущены публикацией в журнале «Смена» № 5 за 1989 год письма Е. Никулиной о безобразиях, которые творятся в роддоме № 70, где она рожала 7 марта 1986 года.

Проверена документация родильного дома за 1986 год. Такая женщина в роддом не поступала.

В последнее время в печати появилось много статей и откликов на них, касающихся работы родовспомогательных учреждений. После последней публикации мы глубоко убеждены, что факты, указанные в подобных публикациях, недостоверны, редакциями не проверены.

Родильные дома имеют свою специфику, и сотрудники редакции некомпетентны в решении вопросов: правы женщины или нет в своих жалобах.

Медицинский персонал тоже хотел бы работать в хороших условиях, хорошо оснащенном родильном доме (достаточное количество белья, мягкого и твердого инвентаря, нормальной работа прачечной, достаточное количество медицинской аппаратуры и медикаментов).

Коллектив родильного дома категорически настаивает на публичном опровержении опубликованной клеветы и наказании сотрудника, виновного в опубликовании непроверенных фактов.

Коллектив роддома ГKB № 70.

ОТ РЕДАКЦИИ. Действительно, москвичка Е. Никулина неправильно указала номер роддома — она рожала в 72-м. Поэтому мы принесли извинения коллективу родильного дома № 70. Но в то же время не можем согласиться с некоторыми, на наш взгляд, принципиальными моментами их письма.

После публикации материала «Дитя с нимбом» («Смена» № 14 за 1988 г.) мы получили сотни писем — откликов от женщин. Практически все они подтверждают то, о чем говорилось в статье: наши родильные дома, за редким исключением, находятся в плачевном состоянии. Анти-санитария, невнимательность, а часто и грубость медработников. Многие письма мы опубликовали. И не получили ни одного опровержения по конкретным фактам, за исключением вышеприведенного! Возможно ли на основании одной досадной ошибки читателя делать вывод, что публикации на эту тему недостоверны? То есть, по сути, обвинять во лжи сотни женщин из разных городов Союза?

Наверное, молодые женщины не всегда могут правильно оценить те или иные действия акушеров. Но это тоже говорит об отношении к роженнице: так ли уж трудно объяснить пациентке смысл тех или иных медицинских процедур? Многие жалобы вызваны как раз неинформированностью женщин, особенно рожающих впервые. И последнее — о специфике роддомов. Если эта специфика — тараканы в палатах, грязь, рваное белье, бездушие медперсонала, то и женщинам, и сотрудникам редакции (среди которых тоже есть женщины) не нужны особые медицинские познания, чтобы судить о состоянии дел в роддоме. Уточняем: в данном случае мы не имеем в виду роддом № 70. Но, поскольку эта фраза в опровержении имеет общий характер, мы обязаны были уточнить, на что в основном жалуются молодые мамы. Или, быть может, нам следует возродить зоны, закрытые для критики?

БУРЫЕ ОСЫ

Лорен АЙЗЛИ

Есть уголок в зале ожидания одного из больших вокзалов на Восточном побережье, где женщины никогда не сидят. В нем царит вечный полумрак и громоздятся ряды ящиков для хранения багажа. И все же он всегда занят — не столько пассажирами, сколько умирающими. Именно здесь определенный контингент брошенных на произвол судьбы бедных спасается от непогоды, еще часок-другой держась за город, который их породил. Точно так же я не раз наблюдал, как в солнечный день среди зимы старые бурые осы медленно ползают по своему заброшенному гнезду в чаше. Оцепеневшие, почерневшие от мороза и уже ничего не помнящие, они прислушиваются к смутному гудению весеннего улья в своих разбухших тканях. Потом температура падает, и они валятся в белое забытие снега. То же самое происходит и на вокзале. Только что занесенный снегом город продолжает жить своей жизнью. Но бедняки держатся своих мест, как будто эти места сокровенны и не подлежат освождению. Временами они впадают в сон, и тогда их дряхлые седые головы с мучительной неловкостью опускаются на жесткие спинки скамеек.

Отдохнуть им, впрочем, не удается. Час какой-нибудь они спят задышающимся сном недоедающих, изнемогших и состарившихся, которым предстоит еще родить в ночи. Затем приходит полицейский, совершая свой обход, и расталкивает их.

— Спать здесь не положено, — буркает он.

Тогда начинается странный ритуал. Старика трудно расшевелить. После приглушенного разговора полицейский сует ему в руку монету и грозно шествует дальше вдоль скамеек, толкая спящих и указывая им на дверь. Как птицы, вспархивающие и оседающие в кукурузном поле вслед за проходящим фермером, мужчины неуверенно поднимаются, делают несколько шагов и снова опускаются на скамейки.

Один человек, после небольшого, как бы извиняющегося рывка, вообще не двигается. Туберкулезно истощенный, он продолжает крепко спать. Полицейский не оборачивается. Для него это тоже стало ритуалом, и ему не придется официально обращать на это внимание еще целый час.

Бывает, что кто-нибудь из спящих не просыпается. Как и бурым осам, ему посчастливилось умереть в огромном гудящем центре улья, а не в какой-нибудь одинокой конуре. Тут, среди пошаркивания ног, вселяющего уверенность в том, что не ты один в этом мире так несчастлив, не так уж и плохо. К тому же слышны гудки и голоса всех, абсолютно всех, отправляющихся в дорогу. Когда столько путешественников, должен же кто-нибудь выйти на верный путь. Хоть кто-нибудь.

Может быть, с подобной мыслью и бурые осы отрываются от своего старого бумажного гнезда в чаше. Ты держись до последнего — хотя бы за место общественного пользования на железнодорожном вокзале.

Тебе хочется не столько комнаты или дома, откуда отживших свой век безболезненно выпроваживают из жизни, сколько своего места в улье. Дело именно в месте — том самом, которое в центре всего. Жизни тебе хочется, пусть от нее на седой твоей голове одни шишки — следы жесткой скамейки. Ведь у каждого человека есть право на свое место.

Но бывает и так, что место это теряется в потоке событий или же предстает в виде некоего воздушного замка — туманного привидения над грудой развалин. Мы держимся своего времени и места, потому что без них человека просто нет, как нет и самой жизни. Вот почему голоса, которые доносятся как отдаленный звук трубы на спиритических сеансах, будь эти голоса реальны или нереальны, так волнуют. Это голоса из небытия, и вся сила их состоит в том, что каким-нибудь осколком прошлого они способны задеть нас за живое и вызвать воспоминания. В кабинете медиума живые и мертвые водят бесконечный хоровод вокруг какого-нибудь эпизода, места или события, давно поглощенного временем.

Чувство это сидит глубоко во всем живом. Оно заставляет заблудившихся кошек покрывать огромные расстояния в поисках своего жилья, а почтовых голубей лететь домой с самого края земли. Создается впечатление, что все живые существа, особенно наиболее высокоорганизованные, могут выжить только при условии, если им удастся зафиксировать отрезок

Михаил АНДРЕЕВ

“...КОГДА ВЕСЬ МИР ВЕСНОЮ БОЛЕН”

■ Шли по дорогам Нарыма
По первому белому снегу.
Шаг вправо, шаг влево
Приравнивался к побегу.

Страх забивался в гены,
Словно телок под телегу.
Шаг вправо, шаг влево
Приравнивался к побегу.

Жизнью жили без права.
Писали, строчили в Дело.
По бесконечным дорогам
Тени чернели спело.

Яблоки нынче созрели —
Вот окунуться бы в негу.
...Шаг вправо, шаг влево
Приравнивается к побегу.

■ Радости вдоволь. Одеты,
обуты по моде.
Бравые песни привольно
гуляют в народе.
Только все шепчет за наше спасенье
старуха:

— Во имя отца и сына
и святого духа...
Что еще надо? — Есть у нас всё
в магазинах:
Деготь, картофель, неоновый свет
на витринах.
Но еще пуще твердит
пред иконой старуха:
— Во имя отца и сына
и святого духа...

Талой весной чернозем
раскидают на поле.
Трактором вспашут.
Ростки просочатся
на волю.
Будто не слышит весны,
все бормочет старуха:
— Во имя отца и сына
и святого духа...

Что же ты молишь? Что сотворили
мы злого?
Любим мы лес. Почитаем хорошее
слово.
Что же случилось? Что с нами будет,
старуха?
— ...во имя отца и сына
и святого духа.

Что еще надо? Небо. Россия.
И озимь.
Первый автобус до Томска
отправится в восемь...

■ Волнуется душа у нас,
Когда весь мир
весною болен.
От всех она
сокрыта глаз,
И ты перечить ей не волен.

Когда лениво, не спеша
Зима
заполонит равнины,
Приветствует опять душа
Снегов холодные лавины.
Когда же солнце будет мыть
Свои лучи
у переката,
Ей назначенье:
просто быть
И длить сияние заката.

МЫСЛИ ПО ДОРОГЕ В ШКОЛУ

Ветер гонит по дороге листья.
В моем ранце ветер перья студит.
Пролетарии всех стран,
соединяйтесь.
Потому, что людям лучше будет.
Думаю, как сделать мне скворечник.
Для скворцов из досок домик —
сладость.
Больше всех люблю на свете небо,
Потому, что небо — это радость.

ЖИЗНЬ — ВЕСЕЛАЯ ГРУСТИНКА

Жизнь — веселая грустинка.
На письме —
Нарымский край.
Догорай, моя лучинка.
Что поделаеть, догорай.

Пуще всех грустны осины
На распаханных полях.
Потому что вечер длинный
В наших северных краях.
Жизнь — как
на окошке льдинка —
Запорошена судьбой,
Полюшко для поединка
Между небом и землей.

Что ни шаг —
на небе птица.
Что ни вечер —
кавардак.
С черным хлебушком
горчица
Расфасована за так.
Жизнь — ты верная
до гроба.
Жизнь — ты так всегда
проста:
Два притопа,
три прихлопа,
И еще раз, и сполна...

В МАГАЗИНЕ

Не мог смотреть я на картину,
Где сына грозный царь убил.
Зато ходить по магазину,
Где все для дома, я любил.
В нем было очень много смысла.
Братались разные миры.
Вам продавались коромысла
И цепи от бензопилы.

Я пробирался с вдохновением
Через толпу людей порой
Туда, где есть приспособленья
Для сбора ягоды лесной.

В отделе для шаров воздушных,
Где воцаряла бирюза,
Куда вели детей послушных,
Я уносился в небеса.

Я изучал мир постепенно.
Я жадно этот мир любил.
И смиренно, как военнопленный,
В отделе другой переходил.

Плясали за окошком дали.
Шумели томские леса.
Запомнили меня и ждали
Берестяные туеса.

Над этим всем с тоской напевной
Шумел космический простор.
И как корона на царевне
Был свежеевыкрашенный пол.

НОЧЛЕГ

По осиннику, по молодому...
Потеряю дорогу к дому.
А под вечер посыплется снег.
Постучу в дальний скит на ночлег.

Молча там мне постелят в углу
На некрашеном чистом полу.

И за чаем прибавится сила.
Я скажу: — Перемены, вот диво,
По стране! И возврата нам нет.
— Не сменить бы нам шило на
мыло.—
Мне старик пробормочет в ответ.
И добавит: — Оно! Государство!
Государственные в нем дела.
Принеси-ка вон лучше лекарство.
Дай старухе, чтоб до-о-олго жила.

КОЛЬСКИЙ ПОЛУОСТРОВ

Когда кончается витамин С
И полуостров бедствует,
Принцип: от каждого
по способностям —
Совершенно не действует.

И человек бывает, как мел,
И тонкий, как стручки акации,
И не спит по ночам отдел
Пропаганды и агитации.

Солнце по небу катится.
Ласточка в травы летит.
И почему-то кажется,
Свет все равно победит.
Ты — мое счастье редкое.
Ты — мой непройденный путь.
Жуткая. Гордая. Меткая.
(...нужное подчеркнуть).

Светит речки изгиб.
Плывем по спинам рыб.

Бьется газета в волне.
Фраза
голову студит:
В следующей войне
Победителей не будет.

Плачет кулик на болоте —
Нет силы слаще в природе.

ГЛУХОМАНЬ

Дома в сугробах темных тонут
И, разбивая сладость снов,
В оградах

проволоки стонут
С цепями
осторожных псов.
Бытует быль и небылица.
И действительно

в обед
Дается мерзлая кислица
К столу
уже две сотни лет.
Там, погруженная в мечтанья,
Спит глухомань

на тыщи верст.
И есть местечко для свиданий
В окне

толпе бессонных звезд.
Там жнет народ и ладит сани.
И песни гордые поет.
Не грубой силой, а мечтами
Путь пролагает он вперед.

■ Внутри холодного ствола
В молчанье
теплится смола.
И токов
гордое движенье
Сильней земного притяженья.

Под влажной грубою корой
Не суется мир иной.
Там что-то тайное
зовет,
Без имени, внутри, живет.

Оно играет и чудит
И лист весною
зеленит.
...Нерукотворно торжество,
И в этом наше с ним родство.

ЭЛЕГИЯ

Когда заката медленный-
премедленный
венец
Прекрасно виден прямо над буграми,
Для поддержания красных
кровавых
телец —
Люблю дышать сосновыми борами.

Там можно видеть каждый день
подряд,
Прогуливаясь, удивляясь лету,
Как паутины меж деревьев
колесят
И пауку служа, и воздуху, и свету.

А повезет, увидишь дикий
след лесной
И вспомнишь, что велик наш мир
и славен.
Увидишь, как, преследуя добычу,
егерь молодой
Опять неправильно загонщиков
расставил.

ПЕРЕБОР ИЛИ НЕДОБОР

Как бы ты ни старался с утра,
ни потел,
Как бы ты ни молил, ни вопил,
ни пыхтел,
Один результат был до сих пор —
Или перебор, или недобор.

Как бы ты ни высчитывал,
ни примерял,
В уме ни прикидывал, мазь
ни менял —
В жизни случается до сих пор —
Или перебор, или недобор.

Как бы ты ни пытался
науку познать,
Как бы в гору ни полз,
словно вол,
И семь раз отмерил, но опять —
Или перебор, или недобор...

■ Сколько клюквы в российских
болотах,
Ночью вспомнишь — и спать
неохота.

Эту ягоду медленно рвешь
И, корзину пока набираешь,
Много разного переберешь
Передумаешь, перестрадаешь.

...Не хожу я туда потому —
Тяжело выносить одному.

На переезде.

ВЛАДИМИР ОВЧИННИКОВ!

Александр
ДЕГТЯРЕВ

Овчинникова нередко появляются герои античных мифов, еще чаще — библейские персонажи, хотя главный сонм его героев, конечно, наши современники — псковские крестьяне, жители уездных российских городов и отдаленных ленинградских районов, цыгане, дети, солдаты, демонстранты, пенсионеры и другие неофициальные лица.

Его картины внешне просты, а простое, казалось бы, не рождает вопросов. Но внешняя упрощенность холстов доведена до такого предела, за

Связанный ангел.

Владимиру Афанасьевичу Овчинникову нет еще и пятидесяти, а перед вами уже лежит первая отечественная заметка о его творчестве!

И это несмотря на то, что он впервые участвовал в вернисаже всего четверть века назад! Тогда вместе с тремя друзьями-художниками он устроил выставку по месту своей работы. Местом работы был Эрмитаж, где все четверо служили такелажниками, развешивали великие полотна, и как-то, оставшись сверхурочно, развесили в служебной комнате свои. Эту «такелажную» выставку, естественно, тут же с крупным (в духе времени) скандалом закрытую, в последнее время часто вспоминают в связи с приездом Михаила Шмелякина, который тоже был одним из четырех.

Многое случилось и утекло с той давней поры, первого короткометражного эпизода жизни художника. В конце 60-х — начале 70-х Владимир Овчинников — активный и неприменный участник неформальных выставок, небанальных по существу и батальных по форме. Смысл запретов,

которые налагались на его картины, сегодня уже необъясним, это была одна из нелепостей нашей культурной жизни, когда облеченные званиями и конторской властью знатоки умели объявлять «формализмом» и вызывающую беспредметность (которая формы вообще не несет), и нарочитую предметность, больше, чем многим, свойственную Владимиру.

В стиле Овчинникова органично сливаются несколько очень разных ручьев-традиций отечественного искусства и возникает новый, уже непохожий на них, безошибочно узнаваемый — стоит только раз увидеть его картину среди сотен других.

Проступает в его полотнах и острая социальность передвижников, и идущее от Гоголя пристальное внимание к «маленькому человеку», который, если брать по большому счету, есть главный персонаж всей земной жизни. А если говорить о форме, то здесь прочитываются традиции русской иконописи (с ее отстраненной статикой, выверенной законченностью, предельно резким фо-

кусом), которые непостижимым (но тем не менее постигнутым!) образом соединены с линией, счастливо найденной и осуществленной К. Малевичем. Вспомните его «Жниц», «Лесоруба», «Марфу и Ваньку», «Уборку ржи», другие полотна этого ряда. Сравните с картинами Овчинникова, и в этом сравнении проглянет и откроется вам новый виток бесконечной спирали, по которой восходит к вершинам духа наше искусство.

Знатоки-искусствоведы могут рассмотреть в манере Овчинникова еще и влияние европейского Северного Возрождения XV—XVI столетий, и воздействие недалекого ленинградского неоакадемизма, и отзвуки позднего Филонова.

Но при всех влияниях Владимир Овчинников — самобытный и оригинальный русский художник последней трети XX века, продолжатель и хранитель отечественных культурных традиций, прежде всего изначально присущей российскому искусству гражданственности.

Глубокая культурная традиция ясно видна и в другом. На полотнах

Благовещение.

Красный уют.

Рыбаки.

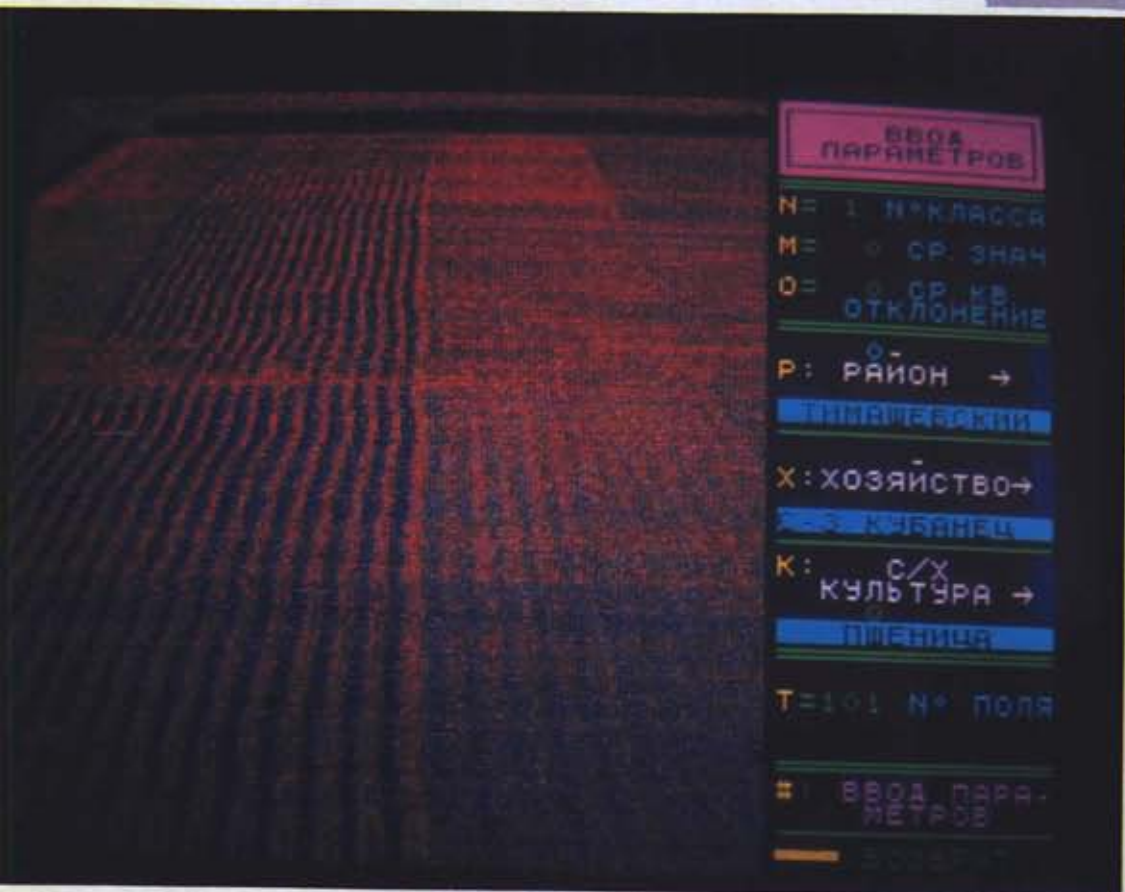
Давид.

которым открывается новое неведомое качество, вдруг появляется море волнующих разум и душу вопросов и стремительно вырастают в сознании ветвящиеся ассоциативные деревья. Простота холста предстает как морская поверхность, под которой скрыты километровые таинственные толщи, неизмеримая сложность жизни.

Кажущаяся несложностью, даже скупостью художественного решения удивляет, к примеру, «Давид». Победитель, свершив подвиг, вернулся к родному порогу. Он встречен покосившимся от времени крыльцом, заколоченной дверью... Подвиг его, оказывается, не нужен никому! Никто его не ждал или, может, уже не мог ждать. Трагедийный момент возвращения... Но тут же врывается в него гротескный слэнговый момент — в руках у Давида не голова великана Голиафа, а кочан! Значит, не было сражения и победы, потому и не ждет никто героя? Нет, было, видимо, и то, и другое — ведь в другой руке гигантский меч Голиафа. Да и офицерская портупея, расчерчивая коренастую славянскую фигуру, доказывает, что перед нами военного дела человек... Такая вот цепь подтверждений-отрицаний, шаг за шагом углубляющая всякому известному сюжету.

«На переезде». Еще большая графическая простота, грозящая вот-вот превратить картину в чертеж. Но чего ждет ангел, сидящий на переезде? Если перехода, то давно уже

На экране дисплея — будущий урожай.

Виктор АНТОНОВ

Фото
Евгения АЛЕКСАНДРОВА

Слова из бесхитростной песенки о летчиках вспомнились мне на борту «аннушки», поднявшей в кубанское небо бригаду Северо-Кавказского филиала Всесоюзного научно-исследовательского центра «АИУС (автоматизированной информационно-управляемой системы) Агроресурсы». Кроме нас, в самолете — штурман Виктор Кондрашов, бортоблюдатели Наталья и Сергей Тимошенко, бортоператор Владимир Логунов, пилот первого класса Виктор Генералов.

...Эффектный взлет против ветра и — разворот. Но что же конкретно сверху видно? Многое. И бесхозность, и рачительность обширного сельхозцеха края, и то, какими будут его нынешние и завтрашние урожаи.

Летим строго по линии лесополос. Слева и справа — череда зеленых и черных прямоугольников. Супруги Тимошенко у иллюминаторов только поспевают расставлять оценки пронумерованным в боржурнале полям. Володя Логунов время от времени снимает телекамерой отдельные участки. Потом собранная информация поступит на ЭВМ. Но нашим попутчикам многое понятно уже сейчас. И то, что мне кажется одинаково зеленеющим, цветущим, совершенно иначе представляется им, профессионалам.

Вот участок, словно разлинованный на четкие густо- и бледно-зеленые полосы.

— Это азотные удобрения вносили наземными агрегатами, — поясняет Тимошенко. — Плотность внесения — чуть больше 50 процентов...

В журнале напротив соответствующего прямоугольника появляется оценка — «тройка». А вот однородное, густо-зеленое поле, здесь — «пять». Через несколько участков подряд змеятся полосы. Здесь удобрения распылялись с самолета и, видно, был боковой ветер. Оценка — «два балла».

— А это? — интересуюсь, видя пятна едкой зелени, что расходятся лучами с одного угла поля.

— Органика. Вывалили кучу на поле, а бульдозер мало-мало разгреб в стороны. И отпартовали: вывезли столько тонн удобрений.

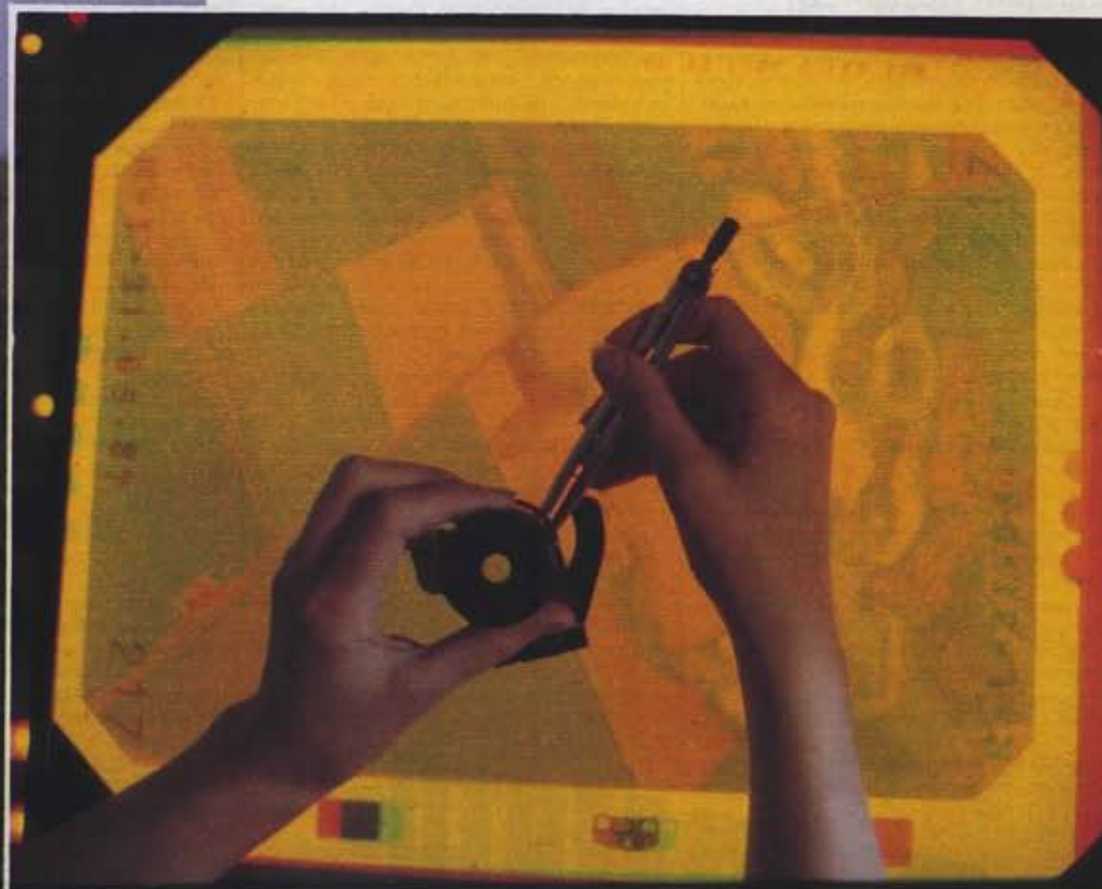
Действительно, многое сверху видно. И тут уж никак не упрятать, не скрыть наплевательского отношения к делам хозяйства у одних руководителей. И наоборот, сыновьяго, истинно крестьянского подхода к земле, к будущему урожаю — у других. И подумалось: ведь по сводкам за несколько лет (они же все хранятся!) можно вполне сделать вывод о «соответствии занимаемой должности». Но это — прерогатива других органов (вот бы им почаше всеохватно, зримо, а не по бумагам поля эти видеть!), у сотрудников ВНИЦ таких полномочий нет.

Визуальные наблюдения с воздуха — лишь нижняя «полочка» «космической этажерки». Конечная цель научно-исследовательского центра «АИУС Агроресурсы» помочь хлеборобу собрать максимальный урожай. А в перспективе — создать систему агрокультуры, независимую от капризов погоды. Средства для этого используют самые разнообразные. Все уровни «космической этажерки»: многоканальная фотосъемка больших регионов со спутни-

Этот самолет управляется по радио. За минуту до взлета...

СВЕРХУ ВИДНО ВСЁ

**Картограмма:
как хозяйствуем?**

ков и орбитальных станций, аэросъемка конкретных районов с высоты в несколько километров и, наконец, обзор полей с бортов «малой авиации» — АН-2, МИ-2.

Первое уточняется вторым, второе корректируется третьим... А в итоге руководителям хозяйств выдается полная, исчерпывающая картина по каждому полю: не только виды на урожай, но и прогноз возможных потерь. Имея под рукой такие данные, можно отработать «свой маневр»: скажем, если оперативная сводка показала высокую изреженность всходов, — принять решение о подсеве другой культурой или даже пересеве...

Да, здорово все на бумаге получается! Но... переходит ВНИЦ на хозрасчет. Это значит, он напрямую зависит от количества договоров с хозяйствами. А у тех, в свою очередь, тоже самоокупаемость и самофинансирование.

— Не желают хозяйства платить, — говорит директор Северо-Кавказского филиала ВНИЦ Энвер Махмудович Трахов. — Отказываются от наших услуг, несмотря на очевидную пользу...

Почему так?

Понятно, расплачиваться теперь приходится рублем. И немалым. А денег, как известно, лишних не бывает.

— Часть земель, — продолжает Трахов, — хозяйства отдают подрядным звеньям, кооперативам. А те, конечно, сами заинтересованы в конечном результате — на пузе все вокруг излазят и безо всяких аэрокосмических съемок будут знать любой закуток поля: где там вымочки, вымерзание или пьявица...

Оживление экономики, сельского хо-

зяйства — поиски новых путей и решений. И — проблемы. Хотя бы такая, к примеру: ВНИЦ (со всеми своими самолетами, спутниками, электроникой) оказался в положении, когда спрос на его услуги падает. А у него — план, научные программы, перспективные изыскания...

Болезни роста? Может быть. Но ведь обновление — не просто отказ от старого. Это выход на оптимальные варианты, где общие — всенародные! — усилия сориентированы на конечный, а не на сиюминутный результат.

Не год, не два — десятилетия! — работают в других странах на сельское хозяйство и «космос», и малая авиация. В той же Америке именно съемки из космоса — немаловажное подспорье в определении урожайности не только собственных, но и наших полей — кубанских, например.

А что же мы? Умения не хватает, техники? С техникой действительно не густо. Но есть в «Агроресурсах» модель самолета с кинофотоаппаратурой на борту, управляемая с земли. Эффектно, дешево!

Так опасаются отечественные аграрники новинок. На «пузе», считают, надежнее. Может быть, в какой-то там следующей пятилетке. А пока...

А пока помидоры в Краснодаре так же дороги, как и в Москве. Краснодарского чаю, правда, достал — в кооперативном варианте. А на свой вопрос, возможно ли загодя знать весь объем будущего урожая, получил в местном агропроме обнадеживающий ответ: ничего нет невозможного. Нам, мол, сверху видно все...

Евгений ДОДОЛЕВ

Уши у нее действительно были надорваны. Зарубцевавшиеся шрамики можно было разглядеть, когда она ломкими жестами уже негибких пальцев поправляла плотные завиточки кудрей. Говорила Фавзия тихо и, как мне казалось, спокойно. Но вдруг, так же тихо, как и говорила, расплакалась и, сдавленно извинившись, ушла на кухню. Вернулась минут через пять, виновато улыбаясь и теребя в руках носовой платок. Попросила непременно изменить фамилию: очень много родичей по всей стране, не только в Ленинграде. И не всем, конечно, ведомо, куда подевались старинные татарские украшения, подаренные когда-то Фавзии любезной свекровью.

Фавзия убеждена, что именно эти серьги, кольца и цепочка червонного золота не давали покоя ее «подружке» Гале и подсказали Галиному дружку-милиционеру (который затем погиб в автокатастрофе) «идейку насчет ОБХСС».

Фавзию Закировну Сигнатулину, работавшую начальником ЖЭУ-17 Петроградского РЖУ города Ленинграда, арестовали в 1982 году.

Приехавшие к ней на работу сотрудники ОБХСС обвинили Фавзию в том, что она получала от своих подчиненных техников какие-то взятки. В тот же день ее отправили в камеру.

ных с меня украшений. Через некоторое время был проведен обыск у меня дома. Изъяли еще одиннадцать золотых украшений, несмотря на то, что на них имелся нотариально заверенный документ, подтверждающий, что эти украшения — фамильные ценности, что они принадлежали моей сестре, а после ее смерти родители подарили их мне.

Опись изъятых при обыске украшений была составлена, но почему-то на отдельной бумажке. Сберкнижка на 2000 рублей (судьба ее до сих пор неизвестна) также была изъята. Обыск происходил в присутствии единственной соседки. Теперь же в протоколе фигурируют две фамилии.

Сигнатулину бросили, вернее, изъясняясь языком официальных бумаг, поместили в следственный изолятор.

— За девять месяцев, проведенных там, меня ни разу не допросили. Ни Ковалева, никто другой в СИЗО не появлялись. Кем подписывались санкции на мое пребывание в тюрьме, я не знаю. Когда истекли все допустимые сроки, Ковалева, наконец, прибыла в изолятор; вручила мне какие-то бумаги. Я их подписала, хотя прочитать не могла — была без очков. Потом был суд. Никакой вины в моей работе, в моих поступках суд не усмотрел, потому что я не совершила ничего предосу-

лева предложила рассчитаться со мной деньгами, пригрозив, что в противном случае сгноит меня в тюрьме. Я вспомнила поговорку, что с паршивой овцы хоть шерсти клок. Согласилась. Вместе с Ковалевой поехала в ювелирный магазин. Там оценили изделия заочно. При самом минимальном подсчете сумма оказалась внушительной — около 14 тысяч рублей, — напоминает Сигнатулина.

Вначале Ковалева привезла Фавзии тысячу. И надолго пропала. Потом, после упорных телефонных атак, привезла еще 2600 рублей и пообещала со временем возместить все остальное.

— Ковалева стала упрашивать, чтобы мой муж дал расписку, датированную задним числом о получении им золотых изделий. И я его уговорила. После этого Ковалева скрылась навсегда. Я долго ждала, молчала, очень всего боялась, так как Ковалева прямо сказала мне, что ее супруг крупный прокурорский работник. Мой муж часто повторял: «Скажи спасибо, что жива осталась».

...После того, как в редакцию пришло письмо ветерана Отечественной войны Моделева, я засомневался, что случай «помоями» — первый в практике следователя Ковалевой. Но пусть останется историей № 1.

«Я — коммунист с 1931 года, инвалид, имеющий 15 правительственных наград, в знак протеста против цинич-

Знаю ли что произошло?

Зарплата, полученная Фавзией в день задержания, профсоюзные деньги, а также те деньги, которые, по ее словам, — «долг, возвращенный несколькими часами раньше», — были отобраны. Как позднее выяснилось, эти купюры в финчасть милиции на хранение не попали. То есть были похищены. Пропало также большое количество продуктов, закупленных Фавзией «для семейных нужд». Но это мелочи.

— Все золотые украшения в милиции с меня сняли. До сих пор меня бьет нервный озноб при воспоминаниях о перенесенном при этом, — Фавзия нервно пожевывается, рассказывая, как милиционеры выдирали серьги из ее ушей резкими рысками.

— Меня стали отпавать валерьянкой, сдвигая при этом с пальцев золотые кольца. После чего я вся была оцепана и обыскана. Никаких протоколов осмотра сорванных с меня украшений не составлялось.

Добавлю, что изделия не сфотографировались, а их размеры не фиксировались. Никаких копий документов об их изъятии Сигнатулиной не вручалось.

— После обыска следователь заявил мне, что отпустит домой, если я раскошелюсь. Я ответила ему, что ни в чем не виновата, что мне очень хочется домой и поэтому я готова отдать ему часть денег с единственной сберкнижки, которая находится у меня дома. Следователь долго торговался, несколько раз выходил якобы к прокурору. Затем сообщил мне, что двух тысяч мало, и добавил: «Будет подписана санкция на арест!» Как только я оказалась в камере, меня навестила следователь прокуратуры Ковалева. Она интересовалась происхождением содран-

дительно. Меня отпустили домой. И сразу же возникло новое обвинение. Оказывается, подчиненные мне дворники перекупали друг у друга пищевые отходы (помои) и за это получали незаконные премии.

Спустя примерно полгода Сигнатулина была вызвана в районную прокуратуру. Там она завела разговор и о пропавших ценностях. Следователь перелистал материалы дела и несколько обескураженно сообщил Фавзии, что документы об изъятии украшений отсутствуют. После этого Сигнатулина резонно заметила, что тонна помоев стоит 15 копеек, а исчезнувшие драгоценности — более 10 тысяч рублей. Следователь тут же запретил ей «поднимать шум насчет пропажи». Твердо сказал, что все утрачено.

Далее события разворачивались так. На следующий день после разговора со следователем к Сигнатулиной приехала Е. И. Ковалева. Простодушно глядя на свою бывшую подопечную, стала уверять, что в прокуратуре-де проводился субботник, и злополучные украшения она, Ковалева, случайно выбросила на помойку. Каково? Я уж не говорю о том, что, по версии следователя, она выкинула спичечный коробок с тяжелыми «безделушками», которые — все! — никак не могли поместиться в одном коробке. Со мной она встречаться категорически отказалась, а в ее деле подробностей на этот счет нет.

— Взамен пропавшего золота Кова-

ных грабежей, совершаемых должностными лицами, облаченными в прокурорские мундиры, обладающими бесконтрольно-неограниченной властью, отказываюсь от самой дорогой для меня награды — медали «За оборону Ленинграда»! Я один из немногих оставшихся в живых защитников блокадного Ленинграда. И мне нелегко решиться на такой шаг. Но я не вижу другого выхода. Как же иначе привлечь внимание высших партийных и советских органов к состоянию законности в городе Ленина? В течение четырех лет мною послано около 70 жалоб, в которых рассказывается, как работниками прокуратуры Петроградского района была разграблена квартира сына, а сам он был упрятан в тюрьму по сфабрикованному делу. Я обращался всюду, однако только через пять лет (благодаря тому, что наши жалобы взяты на контроль в Ленинградском обкоме КПСС) прокуратура города 21 апреля 1988 года была вынуждена по фактам хищения (в период следствия) ценностей из квартиры сына возбудить уголовное дело.

По делу должны расследоваться преступления, связанные с должностными злоупотреблениями и отсутствием прокурорского надзора. И — нечистоплотность бывшего прокурора Петроградского района (ныне заместителя прокурора Ленинграда В. А. Кириллова).

Разве вскрывшиеся факты не основание для отмены приговора по делу моего сына? И производства нового расследования? Однако горпрокуратура упорно продолжает не связывать эти обстоятельства. Круговая порука в прокурорской среде?»

...Не каждый день в знак протеста возвращаются правительственные награды. Не стану перечислять многочисленные публикации о злоупотреблениях в системе ленинградских прокуратур. Не хочу повторять очевидные тезисы о «романовском наследии». Допускаю, что где-нибудь положение еще плачевнее. И все-таки. Похоже, что в Ленинграде не все ладно. Суммарная корысть стражей порядка недалеко от того критического рубежа, что отделяет исключение от правила. После командировки на невские берега меня просто-таки вело к саркастическим интонациям. Во всяком случае, ситуации с экс-следователем Ковалевой — сюжет для фельетона. Что-нибудь это кое...

«Не в поисках пиф-паф романтики, не затем, чтобы посвятить себя любимому делу и послужить торжеству правовой несправедливости, пришла работать в органы прокуратуры Елена Ивановна Ковалева. Ее, знающую и, догадываюсь, умеющую ценить радость бытия, доступную состоятельным людям, в отношении которых приходилось расследовать уголовные дела, до глубины следовательской души возмущала несправедливость фортуны. Но Елена Ивановна обладала грозным оружием — возмездия — прокурорским удостоверением. Поэтому долго быть несправедливо обиженной она не могла. И горячо взялась за исправление ошибок судьбы, решив тихонько экспроприировать ценности своих зажиточных подследственных.

На какую же сумму предприимчивый следователь смогла «восстановить справедливость»? Не знаю. Но вскоре бумеранг вернулся, и грозные неприятности обрушились на даму-детектива. Спорное поверье, что високосные годы не к добру, для нее обрело реальную формулировку юридического звучания. Нерадостным в «финансовом отношении» выдался для Елены Ивановны 1984 год. Ее хитроумные комбинации по перемещению «экспроприированных» ценностей стали вскрываться одна за другой. Впервые безжалостный високосник напомнил о себе тем, что из-под стражи освободили ее подследственную — техника-смотрителя жилищной конторы. Возник вопрос: где изъятое золото?

Вообще дело-то совсем не тогошиба, которым должна заниматься столь уважаемая инстанция, как прокуратура. Перекупка помоев? Выполнение сакраментального плана по заготовке свиных деликатесов влекло за собой получение незначительных премий. Но, несмотря на традиционную загруженность, Елена Ивановна подключилась к этому делу. Результат уже известен.

Дальше — больше. Материальное положение горе-следователя усугубилось после того, как прокуратура города возбудила против нее (!) уголовное дело. Это обстоятельство несколько обеспокоило энергичную женщину. Хотя первопричина выглядела не ахти как страшно, учитывая вскрытый за последние годы общий фон нарушения законности (вплоть до следовательского садизма): в одном из уголовных дел имелась незначительная сумма денег. Всего лишь 1000 рублей. (Эта сумма фигурировала при попытке дать взятку.) Елена Ивановна должна была немедленно сдать эти деньги в финчасть на хранение да приложить квитанцию к материалам уголовного дела. По этому поводу есть инструкция Генерального прокурора. Но, подозреваю, потому, что инструкция датирована 1943 годом, Елена Ивановна действовала по своему усмотрению. Эту тысячу она якобы запечатала в конверт и отравила вместе с делом в суд. Здесь-то и выяснилось, что денежки ты-тю. Подозревать можно было, наверное, кого угодно, но расплачиваться своими кровными почему-то пришлось неудачливой Елене Ивановне.

Она **собрала**, как уверяет, требуемую сумму и сдала ее государству. Руководство прокуратуры пошло Ковалевой навстречу. Уголовное дело на нее было прекращено. Но с заветным удо-

Фильм Первый

Давайте так: если сейчас подсчитать кинофильмы — наши, отечественные, в которых плохо, хорошо, никак, пошло введены элементы эротики или секса, мы, наверное, будем долго загибать пальцы, даже

собралась большой компанией. Говоря образно и не очень серьезно — если нынче в кинофильме нужно запрудить реку, окруженную суровой сибирской природой, то обязательно появляется обнаженная девица с бесконечными ногами и хорошей косметикой на лице. И — прудит. И — запруджает. И построить может. И в горящую избу войти... И если надо — то заодно самозабвенно отдастся. Истосковавшись за годы застоя по зрителю-соучастнику, зрителю-единомышленнику.

Но если говорить серьезно, то эротическое кино заставило нынче самые широкие слои населения обсуждать и ломать голову над понятиями «эротический» и «порнографический». В чем же разница, где следует восхищаться, а где стыдливо опускать глаза? А прокуратура при этом вынуждена давать свои определения этим понятиям, занимаясь, в частности, видеопродукцией. А ведь «видеовал» стремительно нарастает, и — мы уверены — будет нарастать еще активнее.

За последнее время число владельцев видеомагнитофонов увеличилось многократно. Появилось и огромное количество видеосалонов, видеокафе и прочих заведений, где можно посмотреть тот или иной записанный на кассету отечественный или зарубежный фильм.

Эротическое кино пришло к нам вместе с видеотехникой сначала с Запада. Затем были предприняты «доморощенные» попытки снимать

эротическое кино и на государственных студиях, и в «домашних» условиях. Последними активно занималась прокуратура и по достоинству оценивала «творческие» искания отдельных энтузиастов, ориентируясь в своих оценках в соответствии со статьями Уголовного кодекса. Однако и к «законным» фильмам, где встречаются элементы эротики, было высказано много претензий. Часто они были справедливыми, но часто шли от непонимания, ханжества или неподготовленности зрителя к восприятию таких сцен. И проблема до сих пор остается открытой. Когда человек видит эротический фильм, он, как правило, испытывает стрессовую ситуацию, не зная, как к нему относиться.

Потому, наверное, нужна умная, не пошлая, мы бы сказали, «лекционная» кинопропаганда, объясняющая, что такое эротическое кино, чем отличаются пошлые фильмы от кинолента, признанных шедеврами мирового киноискусства, отвечающих всем критериям морали и нравственности.

Недавно на базе научного Совета по проблемам философии, культуры и современным зарубежным идеологическим течениям АН СССР учреждена экспертная комиссия по видео, которая будет проводить экспертизы по искусствоведческим методикам, утвержденным данным Советом совместно с Институтом киноискусства Госкино СССР.

Журнал «Смена» подписал договор

о сотрудничестве с Координационно-методическим центром ЦК ВЛКСМ. Отныне с помощью центра мы будем выпускать видеофильмы, посвященные самым различным проблемам жизни, развивая темы наиболее острых и актуальных журнальных публикаций. Одно дело прочитать, другое — прочитав, увидеть собственными глазами. Эффект воздействия возрастает.

Первый выпуск — трехчасовая программа, посвященная проблемам эротического кино. Первая кассета из запланированного цикла «Эротика и общество» будет посвящена юридическим и эстетическим вопросам эротического кинематографа. Она вводит зрителя в саму проблему, разъясняет устами специалистов отличие эротических фильмов от порнографических подделок. Зрители смогут познакомиться с мнением юристов, искусствоведов, журналистов, психиатра. Эта видеопрограмма завершается показом фрагментов одного из лучших в эстетическом отношении фильмов, «9½ недель».

Цена кассеты — 300 рублей. Те организации, которые приобретут кассету, имеют право на ее коммерческое использование.

Заявку на трехчасовую видеопрограмму «Юридические и эстетические аспекты эротического кино» направляйте по адресу: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, редакция журнала «Смена».

ДАТА СМЕРТИ

Надежда МАНДЕЛЬШТАМ

Журналисты из «Правды» — «правдисты», как мы их называли, — рассказывали Шкловскому: в ЦК при них говорили, что у Мандельштама, оказывается, не было никакого дела... Разговор этот произошел в конце декабря или в начале января 1939 года, вскоре после снятия Ежова², и означал: вот что он натворил... Я сообразила это и сделала вывод: значит, О. М. умер...

Прошло еще немного времени, и меня вызвали повесткой в почтовое отделение у Никитских ворот. Там мне вернули посылку. «За смертью адресата», — сообщила почтовая барышня. Восстановить дату возвращения посылки легче легкого — в этот самый день газеты опубликовали первый огромный список писателей, награжденных орденами³.

Евгений Яковлевич⁴ поехал в этот праздничный день в Лаврушинский переулок, чтобы сообщить Шкловским. Виктора вызвали снизу, из квартиры, кажется, Катаева, где попутчики вместе с Фадеевым вспыскивали правительственную милость. Это тогда Фадеев пролил пьяную слезу: какого мы уничтожили поэта!.. Праздник новых орденосцев получил привкус нелегальных, затаившихся поминок. Мне только неясно, кто из них, кроме Шкловского, до конца сознавал, что такое уничтожение человека. Ведь большинство из них принадлежало к поколению, пересмотревшему ценности и борющемуся за «новое». Это они проторили путь сильной личности, диктатору, который, действуя по своему усмотрению, может карать и миловать, ставить цели и выбирать средства для их достижения.

В июне сорокового года брата О. М., Шуру, вызвали в загс Бауманского района и вручили ему для меня свидетельство о смерти О. М. Возраст — 47 лет, дата смерти — 27 декабря 1938 года. Причина смерти — паралич сердца. Это можно перефразировать: он умер, потому что умер. Ведь паралич сердца — это и есть смерть... И еще прибавлено: артериосклероз. И я вспомнила, что говорил Клюев о своих ранних седицах⁵.

Выдача свидетельства о смерти была не правилом, а исключением. Гражданская смерть, ссылка или, еще точнее, арест, потому что сам факт ареста означал ссылку и осуждение, приравни-

вался, очевидно, к физической смерти и являлся полным изъятием из жизни. Никто не сообщал близким, когда умирал лагерник или арестант: вдовство и сиротство начинались с момента ареста. Иногда женщинам в прокуратуре, сообщив о десятилетней ссылке мужа, говорили: можете выходить замуж... Никто не беспокоился, как согласовать такое любезное разрешение с официальным приговором, который отнюдь не означал смерти. Как я уже говорила, я не знаю, почему мне оказали такую милость и выдали «свидетельство о смерти». Нет ли в этом какой-то подоплеку?

В тех условиях смерть была единственным выходом. Когда я узнала о смерти О. М., мне перестали сниться зловещие сны. «Осип Эмильевич хорошо сделал, что умер, — сказал мне впоследствии Казарновский, — иначе он бы поехал на Колыму». Сам Казарновский¹ провел ссылку на Колыме и в 44-м году явился в Ташкент. Он жил без прописки и без хлебных карточек, прятался от милиции, боялся всех и каждого, запойно пил и за отсутствием обуви носил крошечные калошки моей покойной матери. Они пришлись ему впору, потому что у него не было пальцев на ногах. Он отморозил их в лагере и отрубил топором, чтобы не заболеть заражением крови. Когда лагерников гоняли в баню, во влажном воздухе предбанника белье замерзало и стучало, как жезл. Недавно я слышала спор: кто выживал в лагерях — работяги или те, кто от работы уклонялся? Работавшие надрылись, а уклонявшиеся пропадали из-за недостатка хлеба. Мне, не имевшей ни доводов, ни своих наблюдений и примеров в защиту той или другой теории, было ясно, что вымирали и те, и другие. Немногочисленные люди, которые выживали, составляли исключение. Иначе говоря, спор напоминал сказку о русском богатыре на перепутье трех дорог, из которых каждая грозит гибелью. Основное свойство русской истории, непреходящее, постоянное, — что богатырю и не богатырю всякая дорога грозит гибелью, из которой он может лишь случайно вывернуться. Я удивляюсь не этому, а тому, что кое-кто из слабых людей действительно оказался богатырем и сохранил не только жизнь, но и светлый ум и память. Таких людей я знаю и рада бы перечислить их имена, но еще не стоит, а потому поману того, кого мы все уже знаем, — Солженицына.

Казарновский сохранил только жизнь и разрозненные воспоминания. В стационарный лагерь он попал зимой и за-

помнил, что это было голое место: осваивались новые площадки для огромного потока каторжан. Там не стояло ни одной постройки, ни одного барака. Осваивали новую землю для новых поселенцев.

Я слышала, что из Владивостока на Колыму отправляли только морем¹. Бухта замерзает, хотя и довольно поздно. Каким образом попал Казарновский зимой на Колыму? Ведь навигация должна была прекратиться... Или первый его стационарный лагерь находился не на Колыме, и его отправили этапом куда-нибудь неподалеку, чтобы разгрузить пересыльный лагерь, так называемую пересылку, набитую до отказа прибывающими на поездах ссыльными... Этого мне выяснить не удалось: в больном мозгу Казарновского все перепуталось. А между тем для датировки смерти О. М. мне следовало бы знать, в какой момент Казарновский покинул «пересылку».

Казарновский был первым более или менее достоверным вестником с того света. Задолго до его появления я уже слышала от вернувшихся, что Казарновский действительно находился в одной партии с О. М. В «пересылке» они жили вместе, и как будто Казарновский чем-то даже помогал О. М. Нары они занимали в одном бараке, почти рядом... Вот почему я в течение трех месяцев прятала Казарновского от милиции и медленно выслушивала те сведения, которые он донес до Ташкента. Память его превратилась в огромный прокишиный блин, в котором реалии и факты каторжного быта спеклись с небывшими, фантазиями, легендами и выдумками. Я уже знала, что такая болезнь памяти не индивидуальная особенность несчастного Казарновского и что здесь дело не в водке. Такого было свойство почти всех лагерников, которых мне пришлось видеть первыми — для них не существовало дат и течения времени, они не проводили строгих границ между фактами, свидетелями которых они были, и лагерными легендами. Места, названия и течение событий спутывались в памяти этих потрясенных людей в клубок, и распутать его я не могла. Большинство лагерных рассказов, какими они мне представились сначала, — это несвязный перечень ярких минут, когда рассказчик находился на краю гибели и все-таки чудом сохранился в живых. Лагерный быт рассыпался у них на такие вспышки, отпечатавшиеся в памяти в доказательство того, что сохранить жизнь было невозможно, но воля человека к жизни такова, что ее умудрялись сохранять. И в ужасе я говорила себе, что мы войдем в будущее без людей, которые смогут засвидетельствовать, чем было прошлое. И снаружи, и за колю-

чей оградой все мы потеряли память. Но оказалось, что существовали люди, с самого начала поставившие себе задачей не просто сохранить жизнь, но стать свидетелями. Это беспощадные хранители истины, растворившиеся в массе каторжан, но только до поры до времени. Там, на каторге, их, кажется, сохранилось больше, чем на Большой земле, где слишком многие поддались искушению примириться с жизнью и спокойно дожить свои годы. Разумеется, таких людей с ясной головой не так уж много, но то, что они уцелели, является лучшим доказательством, что последняя победа всегда принадлежит добру, а не злу.

Казарновский к этим героическим людям не принадлежал, и я выслушивала бесконечные его рассказы и, отбрав крупинки истины, узнала чуть-чуть, меньше малого, о лагерной жизни О. М. Состав пересыльных лагерей всегда текучий, но вначале барак, куда они попали, был заселен интеллигентами из Москвы и Ленинграда — пятьдесят восьмой статьей. Это очень облегчало жизнь. Старостами барачков, как и повсюду в те годы, назначали уголовников, но не рядовых воров, а тех, кто и на воле был связан с органами. Этот младший «командный состав» лагерей отличался крайней жестокостью, и «пятьдесят восьмая» от них очень страдала, не меньше, чем от настоящего начальства, с которым, впрочем, соприкасалась реже. О. М. всегда отличался нервной подвижностью, и всякое волнение у него выражалось в беготне из угла в угол. Здесь, в пересыльном лагере, эти метания и эта моторная возбудимость служили поводом для вечных нападков на него со стороны всяческого начальства. А во дворе он часто подбегал к запрещенным зонам — к ограде и охраняемому участку, — и стража с криками, проклятиями и матом отгоняла его прочь. Рассказ о том, что его избил уголовник, не подтвердился никем из десятка свидетелей. Похоже, что это легенда.

Одежды в пересыльном лагере не выдавали — да и где ее выдают? — и он замерзал в своем кожаном, уже успевшем превратиться в лохмотья пальто, хотя, как говорил Казарновский, самые страшные морозы грянули уже после его смерти. Их он не испытывал. И в этом для меня есть элемент датировки.

О. М. почти ничего не ел, боялся еды, как впоследствии Зоценко, терял свой хлебный паек, путал котелки... В пересыльном лагере, по словам Казарновского, был ларек, где продавали табак и, кажется, сахар. Но откуда взять деньги? К тому же страх еды у О. М. распространялся на ларьковые продукты и сахар, и он принимал его только из рук Казарновского... Благословенная грязная лагерная ладонь, на которой лежит кусочек сахара, и О. М. медлит принять этот последний дар... Но правду ли говорил Казарновский? Не выдумал ли он эту деталь?

Кроме страха еды и непрерывного моторного беспокойства, Казарновский отметил бредовую идею О. М., которая

¹ Две последние главы из книги Н. Я. Мандельштам. Воспоминания. Изд-во им. Чехова, Нью-Йорк, 1973. Печатаются с некоторыми сокращениями. (Здесь и далее примечания П. Нерлера.)

² 7 декабря 1938 г.

³ См. «Литературная газета», 1939, 1 февраля.

⁴ Е. Я. Хазин (1893—1974) — беллетрист, брат Н. Я. Мандельштам.

⁵ Ср.: «И за мои нежданье седины отмицаю тягой лебединой...» (Н. Клюев. Художеств. искусство.)

¹ Юрий А. Казарновский, автор сборника «Стихи» (М., 1936) и участник сборника «Моря соединим! Стихи и песни на Беломорстрое» (издание культурно-воспитательного отдела Беломорско-Балтийского лагеря ОГПУ. Медвежья гора, 1932). См. о нем письма Д. С. Лихачева («Огонек», 1988, № 9, с. 10) и Н. Богословского («Литературная Россия», 1989, № 9, с. 10).

¹ В 1938 году пересыльный порт находился близ Владивостока и назывался Чуркин причал (в 6—7 километрах от пересыльного лагеря 3/10 «Вторая река»; ныне внутри городской черты Владивостока). Подробнее см. в цикле статей В. Маркова «Транзит» в газете «Красное знамя» (Владивосток, февраль — март 1989 г.).

для него характерна и выдумана быть не могла: О. М. тешил себя надеждой, что ему облегчат жизнь, потому что Ромен Роллан напишет о нем Сталину. Крошечная эта черточка доказывает мне, что Казарновский действительно общался с Мандельштамом. Во время воронежской ссылки мы читали в газетах о приезде Романа Роллана¹ с супругой в Москву и об их встрече со Сталиным. О. М. знал Майю Кудашеву, и он вздыхал: «Майя бегаёт по Москве. Наверное, ей рассказали про меня. Что ему стоит поговорить обо мне со Сталиным, чтобы он меня отпустил...» О. М. никак не мог поверить, что профессиональные гуманисты не интересуются отдельными судьбами, а только человечеством в целом, и надежда в безысходном положении воплотилась у него в имени Романа Роллана. А для меня это имя послужило доказательством, что Казарновский не вполне утратил память. А про Романа Роллана прибавлю для справедливости, что, приехав в Москву, он, кажется, исколотал облегчение участи «словарникам». Так, во всяком случае, говорили... Но это не меняет моего мнения о «гуманистах» по профессии. Подлинный гуманизм все знает, и ему до всего есть дело: рука дающего пусть не оскудеет...

Иногда в светлые минуты О. М. читал лагерникам стихи, и, вероятно, кое-кто их записывал. Мне пришлось видеть «альбомы» с его стихами, ходившими по лагерю. Однажды ему рассказали, что в камере смертников в Лефортове — в годы террора там сидели попеременно — видели нацарапанные на стене строки: «Неужели я настоящий и действительно смерть придет?» Узнав об этом, О. М. развеселился и несколько дней был спокойнее.

На работы — даже внутрилагерные, вроде приборки — его не посылали. Даже в этой истощенной до предела толпе он выделялся своим плохим состоянием. По целым дням он слонялся без дела, навлекая на себя угрозы, мат и проклятия всевозможного начальства. В отсев он попал почти сразу и очень огорчился. Ему казалось, что в стационарном лагере все же будет легче, хотя опытные люди убеждали его в противном.

Однажды О. М. услышал, что в пересыльном лагере находится человек по фамилии Хазин, и попросил Казарновского пойти с ним отыскать его, чтобы узнать, не приходится ли он мне родственником. Мы оказались просто однофамильцы. Этот Хазин, прочтя мемуары Эренбурга, написал ему, и мне удалось с ним встретиться. Существование Хазина — еще одно доказательство, что Казарновский действительно был с Мандельштамом. Сам Хазин О. М. видел два раза: когда О. М. пришел к нему с Казарновским, и вторично, когда он свел его к лагернику, который его разыскивал. Хазин говорит, что встреча О. М. с этим разыскивающим его человеком была очень трогательной. Ему запомнилось, будто фамилия этого человека была Хинт, и что он был латыш, инженер по профессии. Хинта пересылали из лагеря, где он находился уже несколько лет, в Москву, на пересмотр. Такие пересмотры обычно кончались в те годы трагически. Кто был Хинт, я не знаю. Хазину показало, будто он — школьный товарищ О. М. и ленинградец. В пересылке Хинт пробыл лишь несколько дней. И Казарновский запомнил, что О. М. с помощью Хазина нашел какого-то старого товарища.

По сведениям Хазина, Мандельштам умер во время сыпного тифа, а Казарновский эпидемии тифа не упоминал, между тем она была, и я о ней слыша-

¹ В конце июня 1935 года Р. Роллан с женой приезжали в СССР и провели здесь около месяца. В апреле 1938 года в письме С. Цвейгу Р. Роллан сообщал, что послал в СССР в общей сложности двадцать писем в защиту «арестованных друзей» — и не получил ни слова в ответ. И сделал вывод: «У меня больше нет возможности заставить ко мне прислушаться в СССР» («Вопросы литературы», 1986, № 11, с. 73).

ла от ряда лиц. Мне следовало бы принять меры, чтобы разыскать Хинта, но в наших условиях это невозможно: ведь не могу же я дать объявление в газету, что разыскиваю такого-то человека, видевшего в лагере моего мужа... (...)

Возвращаясь к рассказам Казарновского. Однажды, несмотря на крики и понукания, О. М. не сошел с нар. В те дни мороз крепчал — это единственная датировка, которой я добилась. Всех погнали чистить снег, а О. М. остался один. Через несколько дней его сняли с нар и увезли в больницу. Вскоре Казарновский услышал, что О. М. умер, и его похоронили, вернее, бросили в яму... Хоронили, разумеется, без гробов, раздетыми, если не голыми, чтобы не пропало добро, по несколько человек на одну яму — покойников всегда хватало, и каждому к ноге привязывали бирку с номерком¹.

Это еще не худший вариант смерти, и я хочу верить, что рассказ Казарновского соответствует действительности. Не сравнивай ведь этого со смертью Нарбута². Про него говорят, что в пересыльном он был ассенизатором, то есть чистил выгребные ямы, и погиб с другими инвалидами на взорванной барже. Баржу взорвали, чтобы освободить лагерь от инвалидов. Для разгрузки. Такие случаи, кажется, бывали... Павел,

¹ Ср. описание похорон Д. Н. Маториным: «Там, куда свозили мертвых, вступали в дело урки — клещами вырывали зубы, заворачивали в простыню, снимали кальсоны и рубаху, на большой палец правой ноги вешали бирку с номером, поскольку земля там не земля, а вечная мерзлота, вырывали могилу на штык лопаты, долбили кайлом траншею и закладывали рядами мертвых».

² Владимир Иванович Нарбут (1888—1944?) — товарищ Мандельштама по Цеху Поэтов и акмеизму, был арестован в ночь с 26 на 27 октября 1936 года.

бывший вор-рецидивист, который носил мне воду и дрова в Тарусе, рассказывал однажды по собственной инициативе, что ему пришлось слышать взрыв, донесшийся с моря, и видеть погружающуюся в воду баржу, на которой, по слухам, находилась «пятьдесят восьмая», инвалиды из «политических». Люди, которые во что бы то ни стало желают и сейчас для всего искать оправдания, а таких среди бывших зеков много, убеждают меня, что взорвали только одну баржу, а начальника лагеря, который совершил такое беззаконие, потом расстреляли. Это действительно умирительная концовка, но меня она почему-то не умиляет.

Большинство известных мне людей умерло в лагерях почти сразу. Люди гуманитарных профессий едва ли могли там выжить, да и жить не стоило. К чему тянуть жизнь, если смерть приходит на выручку? Что дали бы несколько добавочных дней Маргулису¹, которому покровительствовала шпана за то, что он по ночам рассказывал им романы Дюма? Он находился вместе со Святополк-Мирским², который почти сразу дошел до полного истощения и тоже скоро умер. Слава Богу, что люди смертны, но жить и там, за проволокой, стоило, чтобы запомнить и рассказать людям. Может, это остановит их в дни, когда им захочется повторить наши безумства.

¹ Маргулис (правильно — Моргулис) Александр Осипович — переводчик, адресат знаменитых «Маргулет» — шуточных стихотворений О. Э. Мандельштама, неизменно начинавшихся со слов: «старик Маргулис...»

² Святополк-Мирский Дмитрий Петрович (1890—1939) — критик и литературовед. Незаконно репрессирован в 1937 году.

Вторым достоверным свидетелем был биолог М.¹, которого О. М. просил в случае освобождения зайти к Эренбургу и рассказать о его последних лагерных днях: он понимал, что сам выжить не сможет. Его рассказ я передаю со слов Эренбурга, который к моему приезду из Ташкента успел кое-что забыть: в частности, он называл М. агрономом, потому что тот по освобождению, чтобы укрыться подальше, работал агрономом. В основном сведения М. совпадают с рассказами Казарновского. Он считал, что О. М. умер в первый же год, до открытия навигации, то есть до мая или июня 39-го года. М. довольно подробно перedal разговор с врачом², на счастье, тоже ссылкой и понаслышке знавшим Мандельштама. Врач говорил, что спасти О. М. не удалось из-за невероятного истощения.

¹ Меркулов Василий Лаврентьевич (1908—1980) — физиолог, доктор биологических наук, ученик А. А. Ухтомского. Арестован 3 июня 1937 года.

ВИЗИТ ПОСЛЕ

Николай ОГАНЕСОВ

ПОПУСНОЧЩИ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. В ПУТИ

Двадцать три часа двадцать минут

Мы идем по пустынному перрону навстречу движущимся вагонам скорого пассажирского поезда. Мокрый, с матовыми от тумана окнами, он блестит рифлеными боками в мертвенно-белом свете фонарей.

Мимо проплывает нужный нам пятый вагон. На ступеньке у входа стоит высокий грузный мужчина — судя по форменной фуражке, проводник. Он замечает нашу группу, ждет, когда состав окончательно остановится, потом неуклюже соскакивает на платформу и, зажав под мышкой сигнальные флажки, пропускает меня и моих спутников в вагон.

В коридоре нас встречают несколько пассажиров. Они стоят в проходе, настороженно смотря на идущего первым сержанта. Тот останавливается, вежливо просит их разойтись по своим местам. Узкий коридор пустеет, становится видна ковровая дорожка, местами вытопанная до серой волокнистой основы.

— Где? — спрашиваю у проводника.

— В восьмом, — понимает он с полуслова. — Я запер. Ключ у меня.

Отмечаю про себя, что голос его совершенно спокоен, даже равнодушен, будто нет ничего будничней, чем везти в закрытом купе труп человека.

Волобуев, следователь прокуратуры, просит отпереть дверь. Проводник возится с замком, потом отступает в сторону и замирает.

На тесном прямоугольнике пола лежит человек. Его лицо уткнулось в лужу крови. Она кажется почти черной и похожа скорей на пролитый мазут.

Мы с Волобуевым переглядываемся. Он вместе с экспертом склоняется над трупом, а я отзываю проводника к окну.

— Кто его обнаружил?

— Пассажир из седьмого купе.

— Когда?

— С полчаса назад.

— Он здесь?

Проводник кивает на соседнее купе. В эмалированный ромбик на двери вписана семерка.

— Сколько пассажиров в вагоне?

Он беззвучно шевелит губами — пересчитывает.

— Семеро. — И, угадывая мой следующий вопрос, поясняет: — Все как сели, так и едут. Никто не сходил.

На всякий случай беру эти сведения на заметку. Кажется, все. Пока все. Жестом отпускаю проводника и заглядываю в восьмое купе.

Туда не войти. Осмотр в разгаре.

Чтобы не терять времени, стучу в седьмое купе. Дверь мгновенно открывается: похоже, меня ждали.

На пороге — мужчина лет пятидесяти пяти, с яркорозовой, в оправе рыжеватых волос, лысиной и таким же ярким румянцем на одутловатых щеках. По беспокойному, бегающему взгляду не поймешь — пьян он или взволнован, а может, и то, и другое вместе.

Я здороваюсь, представляюсь, задаю вопрос:

— Это вы обнаружили труп?

— Да... То есть нет, — отвечает владелец розовой лысины, и запах спиртного снимает сомнения — выпил, причем недавно.

На нижней полке, в углу, сидит женщина. Лица ее не видно — она демонстративно отвернулась к окну.

— Пройдемте со мной, — приглашаю я мужчину.

Мы выходим и направляемся к открытой двери двухместного служебного купе.

— Ваше имя, фамилия?

— Жохов Станислав Иванович.

Он не настолько пьян, как мне показалось сначала.

— Степан Гаврилович вас дезинформировал: труп обнаружил не я, а Эрих, — продолжает Станислав Иванович, и у меня возникает ощущение, что он присутствовал при нашем разговоре с проводником.

— Кто это — Эрих?

— Эрих? — Жохов делает неопределенный жест рукой. — Он тоже из восьмого купе, вместе с Рубиным ехали.

— А кто такой Рубин? — спрашиваю я, потому что... потому что каждая история должна иметь начало.

— Рубин? — Интонация и жесты повторяются. — Рубин — это тот... Он морщится, затрудняясь объяснить. — Ну, тот, что лежит там...

«Тот, что лежит там». Понятно.

— Расскажите, как все произошло, — прошу я.

— Я же говорю, что там уже был Эрих. При чем здесь я? Ему лучше знать, что и как у них произошло.

— А как вы сами оказались в восьмом купе?

— Как оказался? — выгадывая время, переспрашивает Жохов. — Да очень просто... Просто оказался. Пошел в туалет, вдруг слышу какой-то шум. Мне показалось, что там что-то неладно. Ну, я и заглянул...

— Что это был за шум?

— Да как вам сказать... Шум как шум, — так и не подобрав нужных слов, продолжает он. — А может, мне показалось, кто его знает. Я, понимаете, не прислушивался, так что вполне мог ошибиться.

Собственная непоследовательность нисколько не смущает Жохова. Покопавшись в кармане, он вытаскивает пачку сигарет, просит разрешения закурить.

— Значит, так... Когда я вошел, Рубин уже лежал на полу. Без движения. Под головой лужа крови. А рядом с ним на корточках сидел Эрих. Я в общем-то не из трусливых, но в тот момент, признаться, растерялся.

Что делать? Решил звать на помощь. Крикнул что-то, уже не помню, что именно. Сразу сбежались люди, ну и пошло-покатилось. Вот и все. Кажется, ничего не пропустил.

— Вы не заметили, что делал Эрих над трупом?

— Как, что делал? Просто сидел на корточках.

— Он успел вам что-нибудь сказать, прежде чем вы начали звать на помощь?

— Ничего. Это точно. — Станислав Иванович провел ладонью, приглаживая несуществующую шевелюру. — Когда собрались пассажиры, Эрих стал объяснять, что он спал, и его разбудил какой-то шум, это Рубин упал с верхней полки, разбился. Так он говорил. Все, кто там находился, могут подтвердить.

— Вы не заметили, который был час?

— Точно не скажу, но все произошло с полчаса назад, не больше. Значит... — он глянул на часы, — значит, приблизительно в одиннадцать.

— Вы заходили в восьмое купе или все время продолжали стоять на пороге?

— Конечно, заходил. И я, и все остальные. Вы что, не поняли? Мы же не были уверены, что Рубин мертв. Проверили пульс, слушали дыхание.

— Сдвигали труп с места?

— Жохов неопределенно жмет плечами.

— Да нет вроде. Проводник предупредил, чтоб ничего не трогали до прибытия на станцию.

— Что вы можете сказать об Эрихе?

— Что сказать? Ну, познакомились в поезде. Вроде вежливый молодой человек. Интеллигентный...

— Не знаете, где он сейчас?

— Кажется, у Тенгиза.

— Ясно, — говорю я, но ясности-то как раз и нет.

Я поднимаюсь. Следом за мной поднимается Жохов. — Станислав Иванович, вы еще можете нам пона-

Рисунки Алексея ОСТРОМЕНЦКОГО

— Всякие. В частности, ваша ссора с пострадавшим.

— Ага,— говорит Лисневский, вытаскивает огромные часы-луковицу, недвусмысленно смотрит на ажурные стрелки, намекая на время.

— Пусть это вас не смущает,— говорю я.— В экстренных случаях мы имеем право беспокоить свидетелей в ночное время.

— Да-да.— «Водион» рассеянно смотрит куда-то поверх моей головы, скорей всего на свое собственное отражение в зеркале.— Случай безусловно экстренный...

— Итак, Родион Романович? Меня интересует, при каких обстоятельствах произошла ваша ссора с Виталием Рубиным.

— С уопшим? — уточняет Лисневский и чешет висок длинным ногтем указательного пальца.— Собственно, ссора ли это? Он действительно вел себя вызывающе. Оскорбил Тенгиза, назвал меня мошенником, но, согласитесь, не вызывать же мне его на дуэль, а драться по такому поводу интеллигентному человеку просто глупо. К тому же мы с ним в разных весовых категориях.

— Так и не выяснили отношений?

— После игры я его не видел. Вас, кажется, интересует именно это? В девять я вернулся к себе в купе. Там застал семейную сцену. Я, признаться, не любитель острых ощущений, поэтому попросил проводника перевести меня в свободное купе, что он и сделал. Милейший человек. Далее: я перешел во второе купе, побаловался чайком и лег спать.

— В котором часу баловались?

— Увы, не засек.— Он разводит руками.— Не имею привычки.

— Когда проводник убирал стаканы, вы уже спали? — Ах да, совсем упустил. После чая я решил совершить нечто вроде вечернего моциона. Зашел к проводнику, поболтал с ним, так сказать, на вольные темы, а уж потом пошел к себе.

— Рубина, конечно, не видели?

— Только мельком.— Лисневский изящным щелчком сбивает невидимую пылинку с лацкана пиджака.— Он направлялся к себе, но, откровенно говоря, у меня не было ни малейшего желания общаться с этим типом.

— Кто, кроме вас, играл в карты?

— Рубин, Эрих и Тенгиз.

— А кто присутствовал при этом?

— Квасков и мой сосед Жохов.

— В каком купе едет Квасков?

— Володя? В пятом.

— Скажите, Родион Романович, почему вы не пошли вместе со всеми в ресторан?

— Я, знаете ли, поиздержался за время отпуска. В настоящее время, что называется, стеснен в средствах.

— Понятно. Ну, а в период между десятью и одиннадцатую куда из купе не отлучались?

— Спал как сурок.— Он натянуто улыбается, но тут же улыбка сбегаёт с его лица, и, подавшись вперед, он проникновенно заглядывает мне в глаза: — Я вас очень прошу, бога ради, не вмешивайте вы меня в эту историю. Поверьте, что я не имею к ней ни малейшего отношения.

— А кто имеет? — спрашиваю я тем же тоном.— Может, подскажите? Время-то позднее.

Он выпрямляется, и мы некоторое время слушаем перестук колес, думая каждый о своем.

Когда я выхожу, на щеках «Водиона Вомановича» горит яркий румянец.

Один час десять минут

Мои попытки сдвинуть с места оконную раму ни к чему не приводят. А жаль — глоток свежего воздуха мне бы не помешал.

Выхожу в коридор и стучу в пятое купе.

— Квасков? — спрашиваю у заспанного мужчины, появившегося на пороге.

— Так точно,— отвечает он, массируя веки пальцами.— Владимир Квасков.

— Разрешите войти?

— Конечно,— он пропускает меня в купе.

Постель смята — хоть один человек в вагоне спал спокойно. На откидном столике стоит початая бутылка «боржоми».

— Где брали? — спрашиваю у Кваскова.

— В ресторане. Хотите?

— Не откажусь. Вы догадываетесь, по какому я поводу?

— Догадываюсь,— отвечает он.

— Расскажите, чем вы занимались между девятью и одиннадцатую часами вчера вечером?

— Одну минуту, дайте припомнить. Значит, так: до девяти смотрел, как в восьмом купе играли в преферанс. Что дальше? Пошел в ресторан ужинать. Сидел один. Минут через десять пришли соседи по вагону:

Станислав Иванович и этот, что из Прибалтики.

— Эрих?

— Не знаю, кажется, Эрих. Он посидел с полчаса и ушел, а мы остались. Так... Пойдите, около десяти в ресторан пришел еще один. Тенгиз из четвертого купе, но он сел отдельно. В одиннадцатую мы со Станиславом Ивановичем вернулись в вагон. Не успел я раздеться, как услышал крики. Вышел узнать, что случилось. Оказывается, мужчина из восьмого купе разбился.

— Не помните, с кем он ссорился во время игры?

— Ну, поругался с Тенгизом и с тем... пижоном.

— Лисневским?

— Да, с ним. Назвал его мошенником — не знаю, почему. Я ведь за игрой не очень-то следил, сидел так, за компанию, от скуки. А с Тенгизом он сцепился из-за мандаринов, которые тот везет с собой.

— Вы долгое время находились в ресторане со Станиславом Ивановичем. О чем говорили?

— Это целая история. Станислав Иванович нашел у себя в купе зажигалку, вроде бы не свою, а этого... Рубина. Ну, закатил жене скандал, заподозрил, что, пока его не было, Рубин заходил к его жене. В ресторане только об этом и говорил. Обещал расправиться с ним, и жене своей угрожал, и всем на свете. Мне, знаете, даже надоедать стало, тем более что он солидно под градусом был, пива набрался, а пьяный человек, сами понимаете...

— Почему же вы не ушли, как Эрих, например?

— В том-то и дело. Он ведь попросил меня удерживать Станислава Ивановича в ресторане как можно дольше.

— Кто, Эрих?

— Да.

— А чем он это объяснил?

— Сказал, что нехорошо получится, если Станислав Иванович в таком состоянии вернется в вагон. Начнет приставать к пассажирам, скандалить...

На короткий промежуток времени я перестаю слышать Кваскова. Все, что касается Янкунса, вдруг выстраивается в одну логическую цепь. Оказывается, в ресторан пошли не втроем, а сначала Квасков, а уж за ним Эрих с Жоховым. Следовательно, Эрих привел Станислава Ивановича, Эрих оставил его на попечение Кваскова, Эрих попросил, чтобы тот задержал Жохова как можно дольше. Очень любопытно!

— Вы знали Рубина раньше?

— Вроде нет.

— А других пассажиров?

31-я шахматная олимпиада

Под редакцией
гроссмейстера
Виктора ЧЕПИЖНОГО

ПАРАД МИНИАТЮР
И. ФРИТЦ
1950 г.

Мат в 3 хода

Прямолинейная попытка решить задачу путем 1. Лс3? с угрозой 2. Са7х опровергается превращением черной пешки в ферзя. К цели ведет 1. Лб3! с угрозой 2. Са5+Кр:с8 3. Чh3х. Защищаясь от нее, черные превращают пешку в коня — 1...а1К! А вот теперь осуществим первоначальный план: 2. Лс3! с неизбежным 3. Са7х. Это логическая канва задачи. Но с равным основанием эту задачу можно отнести и к «чешским». Действительно, в ней есть еще один вариант, который, как и два предыдущих (учитывая угрозу), тоже заканчивается правильным матом: 1...Кр:с8. 2. Лd3 а1Ф 3. Лd8х.

СЕДЬМОЙ ТУР

Белые: Кре1, Фг6, Кг4, Кh3, п.g2 (5)
Черные: Крh1, Кс5 (2)
Мат в 3 хода (3 балла)

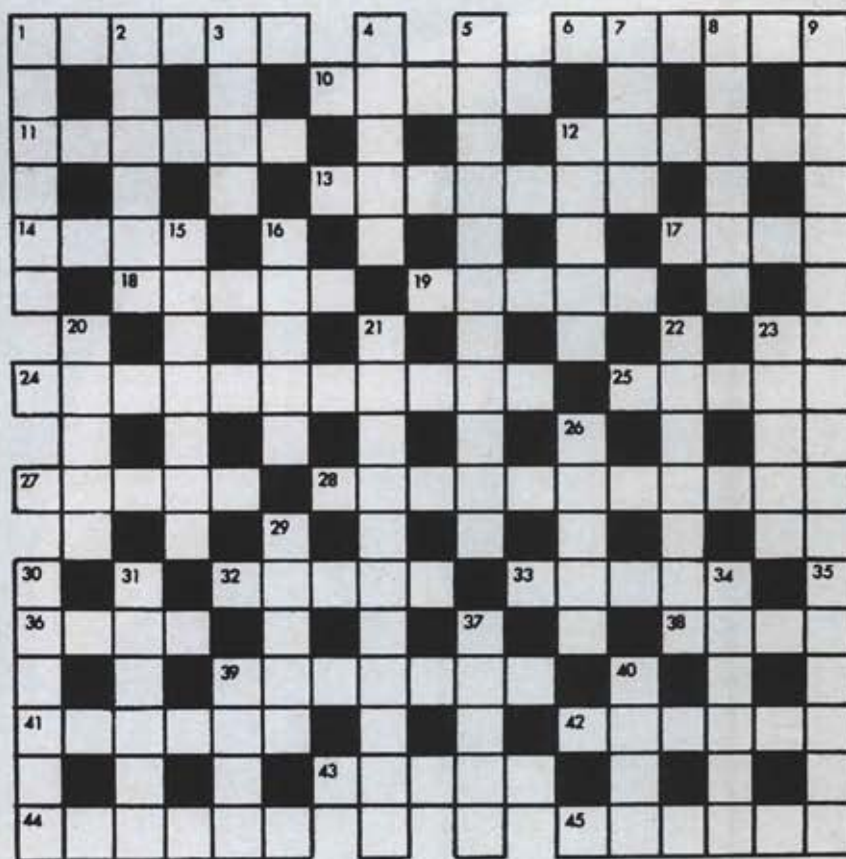

Белые: Кра1, Фb7, Сb3, п.h7 (4)
Черные: Крh8, Cd1 (2)
Мат в 3 хода (3 балла)

Ответы на задания присылайте только на открытках (без конвертов!) с пометкой «31-я шахматная олимпиада, VII тур». Последний срок отправки писем (по почтовому штемпелю) — 15 августа.

КРОССВОРД

КОНКУРС КРОССВОРДИСТОВ

ВТОРОЕ ЗАДАНИЕ

На этот раз, дорогие читатели, предлагаем вам сравнительно простую сетку, по которой каждый, кто желает участвовать в конкурсе, должен составить кроссворд, ни в чем не отступая от правил, изложенных в статье «Гимнастика ума» («Смена», № 2 за этот год). Прежде чем приступить к работе, необходимо, разумеется, изучить и условия второго задания, и указанные правила, и, конечно же, в точности их выполнять.

Победителей конкурса жюри определит по очкам. При этом за **КАЖДОЕ** сочетание в загаданных словах двух одинаковых гласных (**МООнзунд**, **полУУстав**, **Яя**) будет начислено 5 очков. Кроме того, очки будут начислены тем участникам конкурса, кто в начале загаданных слов сможет взять свыше 20 букв алфавита. При этом за 21-ю букву будет начислено 3 очка, за 22-ю — 6, за 23-ю — 9 очков и т. д. (то есть за каждую новую букву сумма вырастает на 3 очка).

В предложенной сетке 48 слов. Значит, на одну букву нельзя загадывать больше 4 слов. Слов с правильным чередованием гласных и согласных можно загадать не больше 24, а имен собственных — не больше 16.

Особое внимание надо обратить на интересное толкование слов. Вот примеры интересных определений: акварель — еще одно, что помимо стихов и статей на темы литературы и искусства роднит П. Валери и М. Волошину; даф — непременный участник сазандари; Колесников — летчик, совершив-

ший 20 апреля 1945 года последний таран в Великой Отечественной войне; хризантема — цветок, символ осени в Китае. Без таких определений хотя бы части слов «Смена» сейчас кроссворды не печатают.

К каждому загаданному слову надо обязательно указать источник определения. При этом источниками не могут быть никакие кроссворды.

К домашней работе необходимо приложить сетку, заполненную загаданными словами. На листке с сеткой надо крупной цифрой проставить сумму набранных очков. Этой же крупно написанной цифрой надо начать и листок, где указана система подсчета очков. Скажем, вы сумели загадать слова на 24 буквы алфавита, и в них встречается 20 сочетаний из двух одинаковых гласных. В этом случае вы набрали за 4 начальные буквы сверх двадцати $3 + 6 + 9 + 12 = 30$ очков и за 20 сочетаний — 100 очков, то есть всего 130 очков.

Одну или две лучшие работы «Смена» напечатает. Их авторам, а также еще двум победителям редакция предоставит право напечатать вне очереди обычный кроссворд, составленный по нашим правилам и с интересными определениями слов. Все они и еще шесть победителей будут награждены дипломами «Смены».

Работа должна быть отослана не позднее 15 августа. На конверте пометьте: Конкурс кроссвордистов, второе задание.

Успеха вам, дорогие читатели!

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД. ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 9

По горизонтали:

1. Идеал. 6. Овраг. 10. Цапля. 12. Сулема. 13. Узбеки. 14. Плебс. 16. Культура. 17. Нежность. 18. Ядрин. 20. Эвр. 22. Пик. 25. Буслев. 26. Костяника. 28. Шатобриан. 30. Яхтомен. 32. Тло. 34. Арс. 37. Гомер. 41. Ламантин. 42. Ионкин. 43. Тсуга. 44. Чернец. 45. Жданки. 46. Евнух. 47. Фильм. 48. Дятел.

По вертикали:

2. Делиль. 3. Ахматова. 4. Баллада. 5. Хлебников. 7. Византия. 8. Атеист. 9. Осока. 11. «Нинья». 14. Прая. 15. Сен. 19. Буран. 20. Элиот. 21. Ребро. 22. Птаха. 23. Кносс. 24. Октет. 27. Масонство. 29. Блондель. 31. Трагедия. 33. Нейгауз. 35. плечо. 36. Жмурки. 37. Гит. 38. Роа. 39. Зияние. 40. Удрис.

Пролетарии
всех стран,
соединяйтесь!

СМЕНА '89

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года.
Выходит два раза в месяц.

№ 10 (1488) МАЙ

Главный редактор
Михаил КИЗИЛОВ

Редколлегия:

Сергей БАБКИН

(заместитель главного редактора)

Борис ДАНЮШЕВСКИЙ

(заместитель главного редактора)

Александр КУЛЕШОВ

Андрей КУЧЕРОВ

Альберт ЛИХАНОВ

Иосиф ОРДЖОНИКИДЗЕ

Сергей ПОПОВ

(ответственный секретарь)

Юрий РАГОЗИН

Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

Евгений РЯБЧИКОВ

Вадим САЮШЕВ

Виталий СЕВАСТЬЯНОВ

Владислав СЕРИКОВ

Виталий ФЕДОРОВ

(главный художник)

Художник

Юрий АФОНИН

Технический редактор

Елена НАЗАРОВА

Сдано в набор 03.04.89.

Подписано к печати 17.04.89.

А 08834. Формат 70 × 108¹/₁₆.

Бумага для глубокой печати.

Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60.

Усл. кр.-отт. 19,60. Уч.-изд. л. 10,26.

Тираж 2 500 000 экз.

Заказ № 452.

Цена 35 коп.

101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14

212-15-07 — для справок. Отделы:
212-21-59 — рабочей молодежи и науки,
212-21-38 — коммунистического
воспитания,
212-23-79 — фотоочерка,
251-32-84 — военно-спортивный,
251-32-84 — международной жизни,
251-04-10 — литературы и искусства,
212-11-27 — писем и массовой работы.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда»,
125865, ГСП, Москва, А-137,
улица «Правды», 24.

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.
Рукописи объемом
более одного авторского листа
(24 машинописные страницы)
редакцией не рассматриваются.

Песенку про «Таньку — самую симпатичную во дворе» я предварительно объяснением, что это — стилизация под «дворовый фольклор». И все равно 14-летние всерьез плачут. Ближе к тридцати годам человек уже с улыбкой вспоминает трогательные, но несерьезные страсти первой детской любви. А после пятидесяти, по моим наблюдениям, «дворовая лирика» вновь представляется душещипательным, без шуток, слезливым романсом.

— Может быть, на такие темы действительно не стоит шутить?

— Я ведь не издеваюсь, я по-доброму, — возражает Маркин. — Тяга людей к простым сюжетам и образам закономерна. Это — ностальгия по детству, стремление к естественным, искренним, добрым взаимоотношениям. Я сам зачастую умиляюсь эстрадным песенкам, они мне нравятся. Но в то же время режет, когда простота воплощается в примитивной, «одноклеточной» форме. Неприятно этим хочется подтрунить, юмор проверить: в самом деле речь ведется в простоте или же это — манерное сюсюканье, которым человек с единственной извилиной высокомерно старается обмануть себя и слушателей.

Идеальной Маркин считает молодую аудиторию. Он сам недавно окончил МЭИ.

Формально Владимир Маркин артистом не является. До последнего времени работал радистом в ДК МЭИ. Сейчас там же создал хозрасчетную студию звукозаписи.

— Только это будет не просто бюро проката аппаратуры, которую мы с ребятами купили на собственные деньги, полученные за концертные выступления. Это будет нечто вроде театра-студии, такое место, где молодые авторы и исполнители получают возможность реализовать свои замыслы.

Я наконец-то запишу песни, объединив их под названием «Трудное детство». Так же будет называться моя собственная группа. В первый альбом войдут в основном песни «дворового фольклора».

Думаю, что среди них будут и знаменитые в репертуар Маркина «интеллектуальные» частушки. Герои их — обыватели, жертва всевозможных кратких курсов обучения. В его представлении Гегель, Фейербах, кардинал Ришелье склочничают друг с другом в душной, более привычной обывательскому глазу коммунальной кухне, а перевранные цитаты из философии и изящной литературы нелепо применяются к самым неподходящим житейским ситуациям. В частушках порыв песенного персонажа к прекрасному и возвышенному, заблудившийся в дремучем примитиве, выдает смешные гримасы. Юмор готов стать защитой от пошлости, но...

— Я очень любил сочинять «попурришечки», — признается Маркин, — такие коллажи из песен, где понятно, что откуда заимствовано. Теперь лично познакомился со многими эстрадными артистами, критиками, зриторами, и уже их песни пародировать как-то неудобно. Потому эстрадники очень обижаются, тоже оказывается, не понимают юмора. Я-то думал, они сами шутят, когда сочиняют свои песни, а у них все всерьез. О моей «Шубе-дубе» говорят — это шлягер, огромная творческая удача — без тени улыбки.

Вообще-то я «Шубу-дубу» вычислил. Многие стараются угнаться за существующей модой, а я пытаюсь заглянуть на день вперед. Чего сегодня не хватает, то войдет в моду завтра. Пусть сейчас мой юмор понимает один процент зрителей, надо сделать, чтобы завтра остроумных людей стало больше.

"Шуба-дуба..."

Нина ТИХОНОВА

Ненадолго и не всех увлекла своими жестокими откровениями отечественная рок-культура. Неудержимо потянуло обратно, к незамысловатым пасторальям в духе: «Ландыши, ландыши, светлого мая привет». И не по произволу хитрого авантюриста, а по настойчивым заявкам слушателей с новой силой начали произрастать десятки ласково-майских ансамблей, ублажающих сочинениями про розы — морозы.

Автор-исполнитель эстрадных песен и пародий Владимир Маркин насмешливо смотрит на музыкальные штампы. Впрочем, оказалось, что те, кого пародирует Маркин, отучили

зрителей угадывать юмор. В письмах, которые получает артист, его благодарят, это — приятно. Но озадачивает, что хвалят на полном серьезе: «Наконец-то на нашей эстраде появилось что-то настоящее, с чувством. Приятным голосом Вы поете красивые песни».

Снова тень наискосок,
Рыжий берег с полоской ила,

Я готов целовать песок,
По которому ты ходила.

Маркин был уверен, что написал шутку, пародию на репертуар курортных ресторанов. Потому и дал ей несерьезное название — «Шуба-дуба». Однако ресторанные и прочие ВИА не согласились с остротами в свой адрес и, отбросив ироническую интонацию, запели «Шубу-дубу» всерьез.

Возможно, ошибка была спровоцирована самим Маркиным? Не в его характере излишне утрировать юмор, и ирония оказывается настолько тонкой, что впору и не заметить.

— Если человек не хочет чего-нибудь замечать, он не заметит, как ни старайся, — рассуждает Володя. — Судите сами, разве можно не обратиться внимания на то, что в песенке «Я б назвал такую королевой» хор подпевает — «левой», и подобная игра — в каждой строчке. Но ведь некоторые и здесь юмора не видят.